

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Leonovich, F. I.
Spornye v.

Ф. И. Леонтовичъ

Заслуженный профессоръ Императорскаго Варшавскаго Университета.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ
ПО ИСТОРИИ
РУССКО-ЛИТОВСКАГО ПРАВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1893

С.М.П.
905
LEO

YARD
AW
RARY

Digitized by Google

Printed in Soviet Union

A7

Leontovich, F.I.

Spornye voprosy...

8-40

11.

Fedor Ivanovich Leontovich

Ф. И. ЛЕОНТОВИЧЪ

Заслуженный профессоръ Императорскаго Варшавскаго Университета

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

ПО ИСТОРИИ

РУССКО-ЛИТОВСКАГО ПРАВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1893

Дозволено цензурю. С.-Петербургъ, 1 ноября 1893 г.

Предъ нами лежатъ три брошюры, одна профессора С. А. Бершадскаго („О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву“, Спб. 1893 г.), и двѣ г. Пташицкаго („Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута. Критико-библиографическая справка“. Спб. 1893 г. и „Къ исторіи литовскаго права послѣ третьяго Статута“, Спб. 1893 г.).

Брошюры эти трактуютъ объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ.

Изслѣдованіе проф. С. А. Бершадскаго состоитъ изъ двухъ частей: очерка внѣшней исторіи Литовскаго Статута и разсмотрѣнія основныхъ положеній литовскаго права о наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ ¹⁾.

Въ первой части своего труда авторъ приходитъ къ общему заключенію, что „одинъ только русскій текстъ Лит. Статута 1588 г. есть несомнѣнный источникъ для выясненія юридическихъ принциповъ литовскаго права, и что Лит. Статутъ, въ качествѣ утвержденнаго законодательною властью сборника мѣстныхъ законовъ, опредѣляя всѣ юридическія отношенія въ Литвѣ“. Разсмотрѣніе вопроса о наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому праву привело автора къ признанію принципа неограниченнаго права наслѣдованія въ обѣихъ линіяхъ по литовскому праву“.

Брошюры С. Л. Пташицкаго ²⁾ заключаютъ въ себѣ рядъ

¹⁾ Статья проф. Бершадскаго первоначально была напечатана въ ноябр. книжкѣ „Журнала Министерства Нар. Просвѣщенія“ за 1892 г. Въ отдѣльномъ изданіи помѣщены нѣкоторые снимки съ рукописей и старопечатныхъ книгъ, а также извлеченіе изъ извѣстнаго труда проф. Даниловича: „Библиографическое описаніе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ экземпляровъ Лит. Статута“.

²⁾ Вторая брошюра автора—отдѣльный оттискъ статьи, помѣщенной въ октябр. книжкѣ „Жур. Мин. Нар. Просв.“ за 1893 г.

возраженій противъ выводовъ, изложенныхъ въ изслѣдованіи проф. Бершадскаго, какъ объ источникахъ литовскаго права, такъ и о о наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ.

Въ виду научной важности вопросовъ по исторіи русско-литовскаго права, о какихъ идетъ рѣчь въ перечисленныхъ изслѣдованіяхъ, мы изложимъ въ настоящей брошюрѣ нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній и поправокъ, главнымъ образомъ, по исторіи Литовскаго Статута. Началь наслѣдованія по литовскому праву мы пока касаемся, лишь насколько это необходимо для разъясненія вопроса объ источникахъ литовскаго права.

Остановимся прежде всего на извѣстіяхъ о „Статутѣ великаго князства Литовскаго“, встрѣчающихся въ актахъ далеко раньше изданія перваго Статута (въ 1529 г.). Въ листѣ 1475 г. князя Роговицкаго говорится о продажѣ имъ пану Витоницкому въ землѣ Волинской третьей части имѣній отчизныхъ, выслуженныхъ и купленныхъ „водле права посполитого и Статуту великаго князства Литовскаго“ (Arch. Sangusz. I, № 76). Точно также въ рядной записи 1520 г. Мстиславскаго князя Михаила Ивановича говорится: „умысливши есмы, водлугъ sprawy великаго князства Литовскаго и *Статуту земского*, какъ ся справують князи и панове рада... досыть чинячи княгинямъ и панямъ своимъ способъ и посагу противъ вѣну и вѣнованья“ (АЗР. II, № 107). Что разумѣется здѣсь подъ именемъ „Статута“? Подъ понятіе Статута, въ смыслѣ сборника законовъ, можно бы подводить „листъ“ короля Казимира 1468 г., извѣстный въ наукѣ подъ именемъ Судебника, даннаго Казиміромъ Ягеллономъ Литвѣ; но здѣсь нѣтъ никакихъ постановленій, ни о вотчинныхъ имѣніяхъ, ни о посагѣ и вѣнѣ. Значитъ, въ старое время, подъ Статутомъ разумѣлся какой-то другой сборникъ литовскихъ законовъ, на который и дѣлаются ссылки въ актахъ послѣдней четверти XV ст. и первой XVI стол. Изъ другихъ современныхъ актовъ видно, что въ аналогическихъ же случаяхъ дѣлались иногда ссылки, вмѣсто земскаго Статута, на старыя „земскіе уставы“. Такую ссылку находимъ, наприм., въ судебномъ выровѣ (декретѣ) литовскихъ пановъ радъ 1510 г. по дѣлу о возвращеніи „посага“ (приданнаго) бояркѣ Кинтовтовой послѣ бездѣтной смерти ея мужа: мы „порозумѣвши земскіе уставы“, привазали возвратить за вѣно 30 гривенъ, сообразно съ „земскою уставою“ (Skarb. № 2218). Эти-то старыя земскія „уставы и ухвалы“, также привилеи, въ особенности земскія и областныя, постановлявшіяся по разнымъ случаямъ литовскимъ господаремъ съ радой и каждый разъ, по особому постановленію, вносившіяся въ записныя книги литовской

метрики, и составляли въ своей совокупности „земскій Статутъ“, или „Статутъ великаго князства Лит.“¹⁾ Эти-то уставы метрики послужили главной основой Литовскаго Статута, изданнаго въ 1529 г. Въ грамотѣ Сигизмунда I, 1522 г., говорится объ изданіи Статута — „единого писаннаго права и единого закона, начертаннаго согласно существующимъ въ письменномъ изложеніи „*constitutionibus et statutis*“ (Zbiór praw Lit., 122).

Точно также вопросъ о времени изданія перваго Статута доселѣ не выясненъ съ достаточной опредѣлительностью. Исслѣдователи полагаютъ, что онъ изданъ на Вилянскомъ сеймѣ, 17-го ноября 1529 г.²⁾ Между тѣмъ, сохранилась окружная грамота

¹⁾ Уставы и ухвалы, сохранившіеся до нашего времени, принадлежатъ, главнымъ образомъ, первой четверти XVI ст. Отъ XV стол., сколько извѣстно, сохранилась одна ухвала 1446 г. о торговомъ правѣ Литвы и Руси (Skarb. № 1830). Большинство ухвалъ и уставъ, по различнымъ вопросамъ права государственнаго, гражданскаго, уголовнаго и пр., образовалось изъ судебныхъ выроковъ господаря съ радю. Такимъ образомъ, ухвала 1509 г. (Skarb. 2207) о вѣнѣ составлена по поводу одного судеб. дѣла. Послѣ опредѣленія на господарскомъ судѣ существующихъ обычаевъ по данному вопросу и послѣ постановленія судебного приговора по существу дѣла, положено было формулировать общую ухвалу по данному вопросу и вписать ее въ книги (Лит. Метрику), для руководства на будущее время. Таково же происхождение ухвалъ: 1509 г. о подсудности мѣщанъ, 1512 г. о лѣсничемъ урядѣ и пр. (Skarb. № 2208, 2234, 2261 и др. О запискѣ ухвалъ въ книги см. также Skarb. № 2192, 2236, 2193, 2273). Позже точное опредѣленіе обычаевъ, по которымъ рѣшалось на судѣ данное дѣло, откладывалось до ближайшаго сейма, и здѣсь составлялись въ окончательной формѣ ухвалы по данному вопросу. См. напр. Arch. Sangusz. III, № 334. Ухвалы помѣщены въ Asp. I, № 55, 60, 71, 175, 185, 193; II. 12, 17, 25, 31, 50, 52, 64, 87, 152, 161. Особенно много въ Skarb. № 2139, 2176, 2180 и др.; Zbiór. pr. I., 112, 114, 115, 117, 137 и др.

²⁾ См. Бершадскаго О наслѣдованіи, стр. 6. Приведемъ кстаті перечень главныхъ сочиненій по исторіи Литов. Статута. *Reflexye stanu szlacheckiego nad poprawką prawa W. Ks. Lit. (s. a. et l.). Prawa z Statutu W. X. Lit. i konstytucyi podług alfabetu zebrane. 1783; перев. съ польскаго: Ручной словарь или краткое содержаніе польскихъ и литов. законовъ. 1810. Tad. Czacki; O litewskich i polskich prawach, o ich duchu, źródłach, związku i o rzeczach, zawartych w pierwszym Statucie dla Litwy 1529 r. wydanym. 1800—1801; второе изд. Hr. Edw. Raczyńskiego — въ сборникѣ: Dzieła Tad. Czackiego, 1843—45, трет. изд.—К. Туровскаго, 1860. Чацкаго же—Czy prawo rzymskie było zasadą praw litewskich. 1809; перепеч. въ Dzieła Tad. Czackiego, т. III. Чацкаго же—O źródłach praw, które miały moc obowiązującą w Polsce Litwie (Dziennik Wileń 1823); рус. переводъ: О происхожденіи законовъ, имѣвшихъ силу въ Польшѣ и Литвѣ (Вѣстн. Европы за 1824). *J. Hr. Potocki, Postrzeżenia w dziele Tad. Czackiego o lit. i pol. prawach (Pamiętn. Warsz. 1815, II—III). A. Osinski O życiu i pismach Tad. Czackiego 1816. J. Lelewel, Rozbiór prac historycznych T. Czackiego. 1826; перепеч. въ сб. — Polska dzieje i rzeczy jej. 1865, XVII.—M. S. B. Linde, O Statucie Litewskiem, ruskim językiem i drukiem wydanym**

короля Сигизмунда 1529 г. сентября 29-го дня (индикта 3) о назначении срока, съ какого всякія „справы“ въ государствѣ должны вершиться „новымъ правомъ и Статутомъ“ (АЗР. II, № 165). Такимъ срокомъ назначенъ былъ день св. Михаила, т.-е. 29-го сентября (по римскому календарю) того же 1529 г. Изъ этой грамоты во всякомъ случаѣ видно, что первый Статутъ былъ утвержденъ не 17-го ноября, а въ сентябрѣ, до изданія упомянутой грамоты.

Остается также не разъясненнымъ вопросъ о томъ, былъ ли первый Статутъ отпечатанъ, или же онъ дѣйствовалъ въ однихъ

wiadomość 1816.—*A. Sosnowski*, Wiadomość o Statucie Lit., drugim powszechnie zwanym. 1822; рецензія—въ Dziennik Wileń. 1822. II, № 6.—*L. Sobolewski*, O Statucie Lit., wyd. na pol. języku 1614 г. (Письмо въ Линде—въ Gazeta Literacka. 1822, № 25).—Статья неизв. автора о томъ же (Dziennik Wileń. 1823, III). *J. Daniłowicz*, Opisanie bibliograficzne dotąd, znanych exemplarzy Statutu Lit. (Dziennik Wileń 1823, I—II, 3—7); рус. переводъ В. Анастасевича: Библиографич. извѣстіе объ извѣстныхъ донинѣ экземплярахъ Лит. Статута. 1823.—*Даниловича*. Historischer Blick auf die Lithauische Gesetzgebung. I. Der Lit. Statut (Dorpat. Jahrbücher. 1834. t. II, № 4—6; отд. 1834); польск. переводъ: Historyczny rzut oka na prawodawstwo Lit. 1837; рус. перев.: Взглядъ на литов. законодательство и Лит. Статуты (Юрид. записки Рѣдына. 1841, I). *Д. Даниловича*, О Лит. Статутѣ (Жур. Мин. Н. Просв. 1838, февр.).—Нѣчто о Лит. Статутѣ (Сѣв. Архивъ 1823, VII).—*A. Mickiewicz*, Jaki wpływ prawodawstwo rzymskie na prawodawstwo polskie i litewskie mieć mogło (Dziennik Warsz. 1825, I, № 4; отд. 1825).—*Fr. Morze*, O wpływie prawodawstwa rzymskiego na prawodawstwo polskiej litewskiej (Dzienn. Warsz. 1826, IV—V, отд. 1826).—*J. Lelewel*, Przyniski do dwu rozpraw A. Mickiewicza i Fr. Morze etc. (Polska wiek. średn.).—*Poznański*, Uwagi, odnoszące się do bibliografii Statutu Lit. 1829.—*J. Jaroszewicz*, O Lit. Statucie (во II т. сочин. Obraz Litwy. 1844). *II. Даневскій*, Рѣчь объ источникахъ мѣстныхъ законовъ, дѣйствующихъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и областяхъ Росс. Имперіи (Актъ въ лицѣ кн. Безбородко 23 іюня 1846; отд. 1846); переработ. изданіе: Объ источникахъ мѣстныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ нѣкот. губерніяхъ и областяхъ Россіи. 1857; Рецензія *С. Шилевскаго*, въ Отеч. Зап. 1857, № 9.—*Макаровъ* и *А. Маркевичъ*, О сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи въ прошломъ вѣкѣ (Черн. губ. вѣд. 1852, № 13 и 20; извѣщеніе *Горьковскаго* — въ Warsz. Bibliot. 1858 и въ Основѣ 1862, іюль).—*Куколникъ*, Исторія управления и законодательства Литвы (Памятн. книжка Вилен. губ. 1853). (*А. Семеновъ*), О сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Руси (Времен. Моск. Общ. истор. и др. 1854. кн. 19 и Современ. 1844, авг.; отд. 1854).—*М. Михайловъ*, Лекціи мѣстныхъ гражд. законовъ. 1860. Обзоръ Исторія Лит. права (Предисл. въ I т. Акт. Вилен. Археогр. Комм. 1865). *Ө. Леонтовичъ*, Русская Правда и Литов. Статутъ (Унив. Изв. Кіев. 1865, № 2—4, отд. 1865).—*Чарнецкій*, Исторія Литов. Статута, съ объясненіемъ особенностей трехъ его редакцій и предварительнымъ объясненіемъ законодат. памятникоевъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи до изданія Статута (Унив. Изв. Кіев. 1866, № 9; 1867, № 1, 5—10; не окончено).—*А. Боровиковскій*, Объ особенностяхъ гражд. права Полтавской и Чернигов. губерній (Журн.

рукописныхъ спискахъ. Въ грамотѣ Сигизм. I, 1522 г. объ изданіи Статута дано было обѣщаніе его напечатать (Zbiór pr. lit., 125; ср. Юрид. Зап. Рѣдвина I, 14). Со временемъ Линде и Даниловича господствуетъ между изслѣдователями убѣжденіе въ томъ, что обѣщаніе напечатать Статутъ не осуществилось: онъ дѣйствовалъ только въ писанной формѣ (Бершадскаго о наслѣдов., стр. 6). Есть, однако, документальныя указанія на дѣйствіе въ Литвѣ перваго Статута „друкованнаго“. Указаніе это находимъ въ одномъ актѣ 1552 г. несомнѣнно официальнаго происхожденія. Въ описаніи Житомирскаго замка, составленномъ въ этомъ году по распоряженію кор. Сигизм.-Августа, встрѣчается такое мѣсто: „Пожитки замковые: вина и пересудъ водлугъ Статуту *друкованого*“ (См. Новицкаго Матеріалы для исторіи заселенія Киев. губ., 82; Ср. Арх. Ювр. ч. VI, т. I, стр. 52).

Точно также недостаточно полно излагается исторія составленія 2-го Лит. Статута, главн. обр., на основаніи привилеевъ Сигизмунда-Августа 1563—66 гг., приведенныхъ въ предисловіи ко второму Статуту (Бершадскій, 7; Пташицкій, 9). Пташицкій полагаетъ, что къ исправленію Статута было приступлено вслѣдствіе королевскаго распоряженія (1563 іюня 8) о вписаніи въ Статутъ „привилеевъ, правъ и вольностей земскихъ, по тому же обычаю, якъ въ коронѣ польской привилія и вольности шляхетскіи въ Статутъ уписаны суть“ (стр. 8). Между тѣмъ, еще Даниловичъ, на основаніи извѣстныхъ въ его время документальныхъ данныхъ, указывалъ на то, что уже вскорѣ послѣ изданія 1-го Статута литовскіе чины, на Берестейскомъ сеймѣ 1544 г., просили короля Сигизмунда I объ исправленіи Статута, для чего

Мин. Юст. 1867, т. 32).—*А. Качевскій*, Законы Чернигов. и Полтав. губерній (Журн. гражд. и угол. пр. 1875, № 1). Его же Литовскій Статутъ, какъ источникъ мѣстныхъ правъ (тамъ же, 1876, № 4).—*С. Пахманъ*, О Литов. Статутѣ (Исторія кодификаціи гражд. права, 1871, I и II).—*М. Владимірскаго-Буданова*, Отношеніе между Литов. Статутомъ и Уложеніемъ ц. Алекс. Мих. (Сборникъ Госуд. знаній, изд. В. Безобразовымъ, 1877, IV).—*А. Кистяковскій*, Историческія свѣдѣнія о сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, подъ заглавіемъ: Права, по которымъ судится Малороссійск. народъ (Унив. Изв. Киев., 1876, № 11 и 12; 1877, № 1 и слѣд.; отдѣльно Права, по которымъ судится Малор. народъ—1879).—*W. P. Górski*, Dodatek do bibliografii Statutu Lit. (Przegląd bibl.—archeol. 1881, II). *Wł. ks. Czetyrtyński*, Jeszcze jedns slowo o Statucie Lit. (тамъ же 1881, II).—*Баршевскій*, Краткая Исторія Литов. Статута (Унив. Киев. Изв. 1882, № 6).—*Е. Бестужевъ-Рюминъ*, Привилей земскіе и областныя (Рус. Ист. II, 1885).—*С. Пташицкій*, Описаніе книгъ и актовъ Литов. метрики 1887.—*М. Ясинскій*, Уставныя земскія грамоты Литов.-рус. государства (Унив. Изв. Киев. 1889; отд. 1889).—*Е. Снитко*, О литовскомъ правѣ въ XVI вѣкѣ (Предисловіе къ XVII т. Акт. Вилен. Комм. 1890).

и была избрана тогда же особая комиссія. Комиссія эта не успѣла, однако, исполнить своей задачи,—Статутъ пересмотрѣнъ и изданъ лишь при Сигизмундѣ-Августѣ (Взглядъ на Литовское законодательство и пр.,—Юрид. зап. Рѣдина I, стр. 18 и слѣд.).

Ходъ работъ по пересмотру перваго Статута при Сигизмундѣ-Августѣ, въ существенныхъ чертахъ, опредѣляется довольно точно цѣлымъ рядомъ сеймовыхъ постановленій, изданныхъ въ „Актахъ, относящихся къ исторіи зап. Россіи (т. III). Такимъ образомъ, на Виленскомъ сеймѣ 1547 г. (въ январѣ) состоялось постановленіе о „поправленьи“ Статута. Указавъ на то, что „до сего часу“ не исполнено постановленіе прошлаго Берестейскаго сейма объ избраніи пяти особъ закона римскаго и пяти—закона греческаго „на поправленье Статуту годныхъ“, литовскіе чины на сеймѣ просили короля, чтобы указанное постановленіе было приведено въ исполненіе, т.-е. чтобы для исправленія Статута были избраны „таковыя особы, которые бы, не фольгуючи ничьимъ пожиткомъ, одно маючи Бога и справедливость святую предъ очима, вси недостатки того Статуту подъ присягами своими поправили, а вгды вжо будетъ поправлень, и на другомъ пришломъ соймѣ отъ его королевской милости, и отъ пановъ ихъ милости, и отъ всихъ васъ будетъ ухваленъ,—просите, абы былъ справлень не писаннымъ письмомъ, але *выбиваннымъ* и абы каждый одностайный и однословный Статутъ мѣлъ“,—на чтѣ и послѣдовало „дозволенье“ со стороны короля (АЗР. III, № 4, арт. 4).

Тотъ же вопросъ объ исправленіи и „выдрукованіи“ Статута поднимается снова на Виленскомъ сеймѣ 1551 г. (18-го окт.). Здѣсь, какъ и въ первой сеймовой ухвалѣ, дѣлается ссылка на рѣшенія прошлыхъ двухъ сеймовъ—Берестейскаго при Сигизмундѣ I и Виленскаго при Сигизмундѣ-Августѣ объ избраніи для поправленія Статута нѣсколькихъ лицъ, „людей добрыхъ, вѣры годныхъ, ростоппныхъ и права посполитого и тежъ стародавнихъ звичаевъ тутошнаго паньства добрѣ свѣдомыхъ“,—рѣшенія, которыя „коньца ажъ до сего часу не приняли“. По постановленію сейма 1551 г. „маеть его корол. милость, съ порадомъ пановъ радъ своихъ, обрати и высадити на то пять особъ закону римскаго, а другихъ пять особъ закону греческаго, которые мають весь Статутъ добрѣ обачити, и розважити, и вырозумѣти то, чога бы потреба была прибавити, альбо убавити, альбо отмѣнити, и то все они мають достаточнѣ списати и на другомъ пришломъ соймѣ, передъ его корол. милостью и тежъ передъ ихъ милостью паны радами и передъ всѣми вами (т.-е. передъ всѣмъ сеймомъ) оказати, а на онъ часъ вжо его корол. милость того выслухавши,

будеть рачиль росказати оный Статутъ *выдруковати и битымъ письмомъ выбити*, абы вси вжо одностайное и неотмѣнное право свое посполитое вѣдали и вонтпеня никоторого въ немъ не мѣли. А таеъ, ижбы есте тежъ тому явйй обычай слушный нашли, отколь бы тые десять особъ, черезъ тотъ часъ на той справѣ тутъ у Вильни мѣшкаючи, мѣли мѣти живность“ (АЗР. III, № 11, арт. 1).

На Виленскомъ сеймѣ 1554 г. состоялись два артикула сеймовыхъ ухвалъ: Арт. 1) о вписаніи въ Статутъ „слово отъ слова“ привилевъ и вольностей земскихъ. Въ своемъ „отказѣ“ король говоритъ, что просьба эта была бы немедленно исполнена, еслибы Статутъ былъ оконченъ: „нижли жъ Статутъ до конца еще не справленъ, который вгды достаточнѣ справится“, будетъ исполнена и настоящая просьба сейма. Арт. 21: таеъ какъ теперь Статутъ исправляется, для чего назначенъ (зложенъ) и „податокъ“ (на содержаніе редакторовъ), „на чомъ тые особы сѣдѣли, кому-то было поручено“, сеймъ просилъ короля „въ то вглянути и, естли бы ся што поправило, ухвалити и къ досконалости привести рачиль“. Король далъ на то отказъ: когда лица, на то избранныя, „всему Статуту первому поправу учинятъ, король хочеть въ то вглянути съ паны радами и зъ вами всими, которые того требуете, и што будетъ слушного, ухвалити и выволати расказать его милость рачить“ (АЗР. III, № 13, арт. 1 и 21). Составленіе проекта Статута было окончено въ 1563 г., какъ это видно изъ привилея Сигизмунда-Августа 8-го іюня 1563 г. о дозволеніи, по просьбѣ литовскихъ чиновъ, — „привилея правъ и вольностей земскихъ въ Статутъ *новописанный* вложить и вписати, по тому жъ обычаю яеъ въ Коронѣ Польской привилея и вольности шляхетскіе въ Статутъ уписаны суть“ (предисл. къ Ст. 1566 г.). Вскорѣ затѣмъ на Виленскомъ сеймѣ (19-го іюня 1563 г.) состоялась новая ухвала о томъ, что въ виду тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ („военнаго рушенья всѣхъ земель“ противъ Москвы), „новоучиненный Статутъ правъ земскихъ“ не можетъ быть „прогладенъ“ на сеймѣ, какъ просили литовскіе чины, — для окончательнаго „поправленья и ухваленья“ Статута король обѣщалъ назначить опредѣленное время — чрезъ 12 недѣль послѣ роспуска войска (АЗР. III, № 33, арт. 40). Разсмотрѣніе, утвержденіе и обнародованіе новоучиненнаго Статута послѣдовало на сеймахъ 1564, 1565 и 1566 годовъ. Самыя „ухвалы“ этихъ сеймовъ не сохранились, свѣдѣнія объ окончательной „поправѣ, ухвалѣ и выданьи“ Статута содержатся въ господарскихъ привилеяхъ, помѣщенныхъ въ предисловіи во вто-

рому Статуту, именно въ Бѣльскомъ привилей 1-го іюля 1564 г. и двухъ Виленскихъ—13-го дек. 1565 г. и 1-го марта 1566 г. (см. предисл. къ Стат. 1566 г.). Сохранился, кромѣ того, господарскій привилей 30-го дек. 1565 г. (АЗР. III, № 38) однороднаго содержанія съ привилеемъ 13-го дек.; въ послѣднемъ, впрочемъ, замѣчаются значительные пропуски сравнительно съ привилеемъ 30-го дек.

Привилеемъ 1-го марта 1566 г. собственно закончено было дѣло объ изданіи Статута. По словамъ Птапицкаго, указаннымъ привилеемъ „чины литовскіе не удовольствовались и, только послѣ третьяго чтенія, исправивъ еще разъ Статутъ на сеймѣ въ Берества, послали его черезъ маршалка земскаго еще разъ къ королю въ Люблинъ, гдѣ въ то время засѣдалъ польскій сеймъ“ (см. Птапицкаго, стр. 9). Положеніе это основано на прибавочной статьѣ къ предисловію Статута ¹⁾, сдѣланному уже послѣ его изданія, подъ заглавіемъ: „Артикулы поправки статутное“, составленные на вальномъ сеймѣ Берестейскомъ 1-го іюля 1566 г. При ближайшемъ разсмотрѣніи этой добавочной статьи оказывается, однако, что на Берестейскомъ сеймѣ рѣчь шла не объ общемъ пересмотрѣ и исправленіи Статута, а лишь о введеніи въ него нѣкоторыхъ артикуловъ, составленныхъ на этомъ сеймѣ. Эти-то артикулы (какіе именно—точно не опредѣлено), представленные сеймомъ королю въ Люблинъ, господарь, „огледавши и ихъ уфаливши“, приказалъ вписать въ „Статутъ правъ новыхъ“. Объ общемъ пересмотрѣ всего Статута здѣсь нѣтъ ни слова. Такія дополненія и „поправки“ въ Статутъ дѣлались и позже, на основаніи приведеннаго выше привилея 1-го марта 1566 г., дозволившаго прибавлять къ Статуту новые артикулы, составлявшіеся на сеймахъ. Частичныя „поправки“ Статута не слѣдуетъ смѣшивать съ общимъ его пересмотромъ. Окончательное утвержденіе Статута принадлежитъ во всякомъ случаѣ привилею 1-го марта 1566 года.

По исторіи третьяго литовскаго статута существуетъ также рядъ актовъ, хотя далеко не всѣ изъ нихъ сохранились. Къ этимъ актамъ не одинаково отнеслись пр. Бернадскій и г. Птапицкій.

Проф. Бернадскій имѣлъ въ виду извѣстныя работы Линде и Даниловича и потому ограничился лишь общимъ указаніемъ на утвержденіе Статута въ новой редакціи въ общемъ законодательномъ порядкѣ на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г. Янв. 28.

¹⁾ Та же самая статья вошла въ составъ „поправъ статутныхъ“ 1578 г., изложенныхъ въ концѣ Статута (Времен. 23, стр. 216).

Не так отнесся къ данному вопросу г. Штапицкій. Онъ прежде всего пытается подробно опредѣлить весь ходъ работъ по составленію новой редакціи Статута, касается сеймовыхъ опредѣленій по этому вопросу, состоявшихся при Стефанѣ Баторіи въ 1581 и 1584 г. и при Сигизмундѣ III на элекціонномъ сеймѣ 1587 г. авг. 20 и сеймѣ коронаціонномъ 1588 г., и приходитъ къ тому конечному заключенію, что, во 1-хъ, на элекціонномъ сеймѣ 1587 г. Статутъ не былъ утвержденъ и могъ быть на немъ разсматриваемъ только частнымъ образомъ, можетъ быть, только въ отдѣльныхъ кружкахъ (koło); во 2-хъ, Статутъ не былъ утвержденъ и слѣдующимъ сеймомъ, и въ 3-хъ, Статутъ „былъ утвержденъ не въ законодательномъ порядкѣ, какъ утверждались конституціи (король, сенатъ и сеймъ), а единолично королемъ“. Словомъ „Лит. Статутъ третьей редакціи не былъ утвержденъ законодательною властью“.

Обратимся и мы къ документальнымъ даннымъ, проверимъ новые выводы, отрицающіе такъ категорически воззрѣніе, утвердившееся въ наукѣ со временъ Чацкого, Линде и Даниловича о значеніи Статута 1588 г., какъ сборника законовъ, который былъ утвержденъ въ общемъ законодат. порядкѣ, практиковавшемся въ Речи Посполитой съ Люблинской униі.

Прежде всего уважемъ на официальные акты, относящіеся къ исторіи составленія Статута третьей редакціи. Сюда относятся слѣдующія, сохранившіяся до нашихъ дней, сеймовыя конституціи и господарскіе привилеи:

1) Конституція Люблинскаго сейма 1569 г. (Vol. leg., II, стр. 100—101, п. 78 и 80) о назначеніи для „porrawy“ статута депутатовъ, 2-хъ изъ состава рады, одного секретаря господаря и 10 депутатовъ отъ стану шляхетскаго (по одному отъ cadaго воеводства) съ двумя при нихъ писарями. Депутаты должны были собраться въ назначенное время (въ день св. Михаила—29-го сентября). При исполненіи порученнаго дѣла депутатамъ предложено было имѣть предъ собой Статутъ польскій и согласовать съ нимъ возможно ближе права литовскія; проектъ Статута затѣмъ долженъ быть представленъ королю на ближайшемъ вальномъ сеймѣ. На содержаніе (на strawę) депутатовъ назначенъ былъ сеймомъ особый денежный сборъ.

2) Конституція варшавскаго сейма 1578, марта 3-го,—объ общей поправѣ Статута по частичной поправѣ отдѣльныхъ его артикуловъ (Vol. leg. II, стр. 186, §§ 30 и 32). Для общаго пересмотра Статута и составленія новой его редакціи предположено было назначить сеймики по воеводствамъ, которые должны

собраться каждый въ своемъ воеводствѣ въ назначенное для того время (23-го мая 1578 г.); затѣмъ, послѣ этихъ сеймиковъ „станы“ великаго княжества литовскаго должны имѣть, для общей поправки Статута, „większy zjazd“ (въ день св. Михаила) въ Новогрудкѣ, откуда „поправка“ Статута должна быть представлена на первый сеймъ для господарской конфирмаціи. Эта конституція вовсе не упоминается у г. Пташицкаго, хотя она давно извѣстна изслѣдователямъ (см., напр., Даниловича взглядъ и пр., 23 и сл.). Кромѣ конституціи объ общей поправкѣ Статута, на тотъ же варшавскій сеймъ 1578 г. было представлено нѣсколько новыхъ артикуловъ Статута, рассмотрѣнныхъ и составленныхъ на особомъ „сеймигѣ“ литовскихъ чиновъ; артикулы эти были приняты на общемъ сеймѣ и, послѣ утвержденія ихъ королемъ, были разосланы для руководства во всѣ воеводства и повѣты вел. княжества литовскаго. Самый текстъ такихъ артикуловъ не помѣщенъ въ конституціяхъ варшавскаго сейма 1578 г., здѣсь лишь перечислены заглавія артикуловъ (Vol. I. II, стр. 186, § 32): Текстъ „артикуловъ поправъ Статуту литовскаго“ внесенъ въ прибавленія къ Статуту 1566 г., подъ титуломъ: „поправки статутовыя на соймѣ варшавскомъ ухваленныя и постановленныя“ (Времен., кн. 23, стр. 200—212). Артикулы эти изложены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) о рокахъ гродскихъ; 2) о придани (выборѣ) возныхъ; 3) о рокахъ земскихъ; 4) о позвахъ на судъ; 5) объ отчужденіи имущества, состоящаго въ судебномъ спорѣ; 6) о наказаніи за недоказанное обвиненіе; 7) о бѣглыхъ людяхъ; 8) о повѣтовомъ рушеніи на непослушныхъ суду и уряду и 9) о шкрупеніумѣ.

3) Конституція варшавскаго сейма 1581 г. о назначеніи депутатовъ для поправки Статута и сеймовыхъ ухвалъ съ тѣмъ, чтобы въ Статутѣ не было ничего противнаго акту уніи и чтобы Статутъ былъ представленъ затѣмъ на утвержденіе къ первому сейму (Vol. leg. II, стр. 210, § 42).

4) Грамота короля Стефана Баторія 1584 г. (марта) объ учрежденіи повѣтовыхъ сеймиковъ для исправленія Статута и о представленіи проекта новой его редакціи для утвержденія на общемъ съѣздѣ. Сеймики были дѣйствительно созваны и при томъ не по личной инициативѣ и распоряженію самого короля, какъ думаетъ г. Пташицкій, но на основаніи приведеннаго выше постановленія сейма 1578 г. Настоящая грамота доселѣ не была извѣстна: ее открылъ г. Пташицкій въ литовской метрицѣ.

5) „Артикулы правныя“, извлеченные изъ „новоправленнаго“ Статута. Артикулы эти рассмотрѣны и утверждены были литов-

скими чинами на съѣздѣ головномъ Волковыйскомъ 1584 (дек. 24-го). Въ нихъ рѣчь идетъ о непозываньи свѣтскихъ лицъ въ духовные суды по дѣламъ свѣтскимъ, о судѣ съ духовными лицами по дѣламъ гражданскимъ, о поземельныхъ тяжбахъ между лицами духовными и свѣтскими и о повѣ опекуновъ по завѣщаніямъ духовныхъ лицъ. Утвержденные литов. чинами артикулы внесены были въ 1586 г. марта 26-го кардиналомъ епископомъ виленскимъ, съ согласія короля, въ книги (литов. метрику) господарской канцеляріи. У г. Пташицкаго артикулы эти представляютъ новое открытіе, сдѣланное имъ лично въ литовской метрикѣ; между тѣмъ, текстъ этихъ артикуловъ давно уже извѣстенъ въ печати (см. АЗР. III, № 161). У г. Пташицкаго приведены изъ метрики лишь одни заглавія артикуловъ, — печатное изданіе ихъ текста вовсе не упомянуто въ его брошюрѣ. Изъ артикуловъ видно, между прочимъ, что во времени съѣзда литовскихъ чиновъ въ Волковыйскѣ, въ декабрѣ 1584 г. новая редакція Статута была уже готова и, повидимому, на томъ же съѣздѣ онъ былъ и поправленъ, какъ это видно изъ названія Статута „Новоправленнымъ“.

6) *Konstytucye na sejmie electionis, pod Warszawą tempore interregni post mortem Stephani magni regis Poloniae pro die 30 junii z łożonej, namawiane ku porzysięzeniu królowi nowoobranemu. A. D. 1587 (Scriptores rerum Polonicarum, t. XI, p. 247).* Въ этомъ проектѣ конституціи находимъ слѣдующую статью о пересмотрѣ статута: „Корректурѣ Статута должна быть такова, чтобы изъ обоихъ, т.-е. польскаго и литовскаго, все, что окажется потребнымъ, было сведено вмѣстѣ (въ одинъ сборникъ), и чтобы затѣмъ впредь дѣла тѣхъ народовъ (т.-е. Польши и Литвы) были судимы *единымъ* Статутомъ; всякія же дѣла и тяжбы, возникшія въ прежнее время, должны вершиться по старымъ Статутамъ, для каковой корректуры и назначаемъ депутатовъ“¹⁾. Въ этой статьѣ заключается полное подтвержденіе показанія привилея 28-го января 1588 г. (см. ниже) о томъ, что Статутъ былъ „прогледанъ“ на элекціонномъ сеймѣ 1587 г. и притомъ не частнымъ образомъ, какъ думаетъ г. Пташицкій, а въ официальномъ засѣданіи. Статья о корректурѣ Статута не имѣла бы мѣста въ проектѣ конституцій, разъ на элекціонномъ

¹⁾ *Korrektura Statutu taka ma być, aby z obu, to jest polskiego i litewskiego co bypotrzebne było, w jeden się zniosło, a potem przypadłe tych narodów akcye jednym Statutem sądzone były, a sprawy wszystkie, któreby rebus et controversiis hanc... rosły, staremi statuty rozsądzone być mają, do której to korektury ex nunc deputujemy...* (Script. rer. Polon. t. XI, p. 252).

сеймъ не было рѣчи о пересмотрѣ новосоставленнаго Статута. Затѣмъ, въ изложенной статьѣ проекта конституцій 1587 г. встрѣчаемъ прямое указаніе на объединительную тенденцію, категорически высказанную еще въ актѣ Люблинской уніи о согласованіи возможно ближе права литовскаго съ польскимъ, „aby iuż w wszystkich Państwach naszych, iako w jedney Rreczy Pospolitey, iednaka sprawiedliwość ludziom iść mogła“ (Vol. leg. II, p. 101). Подъ вліяніемъ той же тенденціи на элекціонномъ сеймѣ 1587 г. возбуждена была мысль о сведеніи въ одинъ статутъ началъ права польскаго и литовскаго, съ тѣмъ, чтобы на всей территоріи Речи Посполитой дѣйствовалъ единый кодексъ законовъ. Мысль эта, однако, не была осуществлена: на слѣдующемъ сеймѣ 1588 г. Статутъ былъ изданъ лишь для одной Литвы. Замѣтимъ, наконецъ, что элекціонный сеймъ 1587 г. былъ собраніемъ не законодательнымъ, а избирательнымъ, и потому на немъ Статутъ могъ подлежать только разсмотрѣнію (прогледанью), а не утвержденію (какъ требуетъ того г. Пташицкій). Утвержденіе законовъ не могло имѣть мѣста во время *interregnum* — до избранія короля, главнаго представителя государственной власти. Только при наличности главы государства, вступившаго во всѣ права представителя Речи Посполитой, могъ осуществиться заключительный актъ законодательной функціи — санкція и обнародованіе законовъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ сеймъ, во время элекціи, могъ ограничиться только предварительнымъ разсмотрѣніемъ проекта Статута въ новой редакціи, — утвержденіе его послѣдовало на слѣдующемъ, коронаціонномъ сеймѣ, какъ это и доказывается составленнымъ на немъ привилеемъ 1588.

7) Привилей Сигизмунда III, 28 генв. 1588 г. объ утвержденіи Статута (предисл. къ стат. 1588 г.). Отъ имени короля заявляется, что панове рады и врядники, послы вел. княжества Литовскаго, будучи на вальномъ сеймѣ коронаціонномъ, именемъ всѣхъ сословій обывателей княжества, представили на утвержденіе господаря статутъ, поправленный избранными на то депутатами на повѣтовыхъ сеймикахъ и „прогледанный“ на Варшавскомъ элекціонномъ сеймѣ, съ просьбой утвердить новоправленный Статутъ господарскимъ привилеемъ и приказать его обнародовать — „выдать и привести къ уживанью“ всѣхъ состояній княжества, указывая при этомъ, что, въ силу конституцій и ухвалъ сеймовыхъ, господарь долженъ это учинить. Въ силу этого король „намовивши се въ томъ съ паны радами нашими, и во всеми станы обоего народу“ на сеймѣ коронаціонномъ привилеемъ

своимъ утвердилъ и выдалъ Статутъ „на вси потомные часы“, съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ земляхъ и повѣтахъ всѣ дѣла отправлялись по Статуту съ будущаго 1589, янв. 6-го дня. Вмѣстѣ съ тѣмъ король приказалъ отпечатать Статутъ письмомъ польскимъ и русскимъ и разослать его въ повѣты.

8) „Wagunek stanom W. Xięstwa Litewskiego, na seymie koroņasi uczynionu“ (АСР. IV, № 3), — привилей, или, лучше сказать, окружная грамота Сигизмунда III, 1 февр. 1588 г. съ текстомъ артикуловъ, „варованныхъ“ на коронаціонномъ сеймѣ, за позволеніемъ всѣхъ становъ радами и рыцарствомъ — послами вел. княжества Литовскаго. Утвержденіе артикуловъ королемъ изложено въ такой формулѣ: „Мы то имъ за вѣчное право мѣти хотимъ, змощняемъ и велимъ выдать къ уживанью всѣми обывателями княжства“. Артикулы касаются слѣдующихъ вопросовъ: объ утвержденіи и обнародованіи статута ¹⁾, о судахъ трибунальскихъ и каптуровыхъ, о пожалованіи староствъ и державъ, о монетѣ и объ „опатрованью и поваженьи“ тѣхъ, кто былъ разныхъ „сентенцій“ при избраніи короля. Артикулы представляютъ собой собственно литовскія конституціи, постановленныя на томъ же коронаціонномъ сеймѣ, на какомъ были изданы и коронныя конституціи. Въ печатное изданіе конституцій этого сейма (см. объ этомъ ниже) вошли только коронныя конституціи; конституціи же, касавшіяся Литвы, были внесены въ литовскую метрику въ видѣ господарскаго привилея (Запис. книги, LXV, л. 277—278). Дата послѣдняго (1 февраля 1588 г.) означаетъ время составленія самаго привилея, а не текста сеймовыхъ артикуловъ, составленныхъ на сеймѣ 28 января 1588 г., когда, по свидѣтельству предыдущаго акта, послѣдовало на сеймѣ утвержденіе Статута; конституціи коронныя изданы на томъ же сеймѣ двумя днями позже (30-го января) литовскихъ. Настоящій привилей (оставшійся неизвѣстнымъ для г. Пташицеваго) служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что Статутъ, „варованный“ (одобренный) избами радной и посольской и утвержденный ко-

¹⁾ Объ изданіи Статута говорится въ 1-мъ артикулѣ слѣдующее: „Напервый Статутъ правъ великаго князства Литовскаго, теперь новоправленный черезъ депутатовъ, отъ становъ вел. князства на то обранныхъ, а на томъ сеймѣ коронации нашей для потверженья намъ поданный, змощняетъ и до уживанья даемъ (якожь о томъ привилей нашъ, водле права ихъ руского, писмомъ рускимъ обывателемъ в. князства Литовскаго выдати, рассказали есмо), и къ уживанью яко наборздѣй привести обѣцумъ, заховываючи имъ завжды вольности правъ ихъ и Статуту поправу, вѣдьже таѣ ихъ тое напротивъ списомъ увѣи, яко и тотъ Статутъ, звязку уніи ничого шкодити не маеть“.

ролемъ „за позволеніемъ“ всѣхъ „становъ“, — всего состава сейма, получилъ на немъ окончательную санкцію и слѣдовательно изданъ не „единолично королемъ“, какъ увѣряетъ г. Пташицкій, а именно въ общемъ законодательномъ порядкѣ.

9) Привилей Сиг. III, 11-го февр. 1588 г., на имя подканцлера вел. княжества Литовскаго Льва Сапѣги, съ представленіемъ ему права на печатаніе Статута польскимъ и русскимъ письмомъ и съ воспрещеніемъ кому бы то ни было печатать Статутъ, подъ угрозой денежнаго штрафа и конфискаціи книгъ (Предисловіе къ Статуту 1588 г.).

Вопросъ объ утвержденіи Статута въ законодательномъ порядкѣ тѣсно связанъ съ общимъ вопросомъ о порядкѣ утвержденія и обнародованія законовъ по польско-литовскому праву. На этотъ вопросъ проф. Бершадскій отвѣчаетъ: „въ Польшѣ и Литвѣ законодательная власть съ 1569 г. принадлежала не королю, а сейму — изъ представителей польской и литовской шляхты. Не только желанія, но и предписанія короля, какъ главы исполнительной власти, имѣли силу административныхъ распоряженій, не болѣе; законы же издавались сеймомъ и только сеймомъ“. Г. Пташицкій обвиняетъ пр. Бершадскаго въ не исполнѣніи точной формулировкѣ вопроса и съ своей стороны выставляетъ слѣдующія два положенія: 1) „изданіе закона принадлежало королю, сенату и сейму, — всѣ эти три власти должны были его подтвердить сообща; 2) обнародованіе же лежало на обязанности администраціи (канцлеровъ), которая должна была досмотрѣть и удостовѣрить, что опубликованный законъ согласенъ съ утвержденнымъ законодательною властью текстомъ. Слѣдовательно, невѣрно мнѣніе, что законы издавались только сеймомъ“. Положенія эти основаны на трехъ сеймовыхъ конституціяхъ: 1505 г., 1588 г. и 1661 г. Въ этомъ перечнѣ пропущена г. Пташицкимъ конституція 1613 г. ¹⁾.

По Литовскому Статуту 1529 г. законы издаются господаремъ „з ведомостью и порадою и с призволеніемъ радъ нашихъ великаго князства Лит.“ (Разд. III, арт. 6). Вліяніе польскихъ порядковъ начинается сказываться въ постановкѣ даннаго вопроса

¹⁾ „Конституціи, за подписью маршалка польскаго и другихъ лицъ, для того избранныхъ изъ избы (koła) посольской и сенаторской, должны быть вносимы въ книги гродскія Варшавскія ad acticandum на другой день послѣ закрытія сейма“. (Vol. leg. III, p. 83, § 11). Правило это конституціей 1661 г. (ib. IV, стр. 330, § 32) дополнено: еслибы „grod wakował“ (былъ закрытъ, не имѣлъ засѣданій, напр., во время элекціи и пр.), то конституціи тѣмъ же порядкомъ вносятся въ коронную метрику.

въ статутѣ 1566 г.; законы издаются господаремъ не иначе, какъ „на вальномъ соймѣ того панства нашего и въ здѣшнемъ панствѣ нашемъ Велик. князствѣ Литовскомъ, въ вѣдомостю (и) порадю радѣ нашихъ и призволеньемъ всехъ земель того панства нашего“ (разд. III, арт. 12). Это почти буквальное повтореніе формулы польской (Радомской) конституціи 1505 г. „*nihil novi constitui debeat per Nos et successores nostros sine communi Consiliarioium et Nuntioium Terrestrium consensu* (Vol. I. I, стр. 137). Еще ближе къ польской формулѣ постановка вопроса объ изданіи законовъ въ Статутѣ 1588: законы издаются господаремъ не иначе, какъ „на вальномъ сойме з ведомостю и порадю радѣ нашихъ и призволеньемъ всехъ становъ сойму належащихъ“ (разд. III, арт. 15). Въ томъ же статутѣ 1588 г. находимъ также правило касательно внесенія въ книги литовскихъ конституцій: „то што се на сойме постановить и уфалить, мають послове на письме за печатью нашою до повету своего принести, и то ку захованью при книгахъ земскихъ вряду земьскому подати, также для ведомости тое речы, и до книгъ вгродьскихъ дати то вписати, а съ канцелярей нашею также справы земские посломъ дарьмо выданы быти мають безъ жадного затрудненя“ (Стат. 1588, разд. III, арт. 9).

Сеймовыя конституціи точно опредѣляютъ составъ органовъ, участвовавшихъ въ законодательной власти Речи Посполитой, особенно съ Люблинской униі. Еще Радомская конституція 1505 г. (относится собственно къ Польшѣ, а не Литовскому князеству) въ такимъ органамъ относить: короля, раду и земскихъ депутатовъ, въ своей совокупности составлявшихъ польскій сеймъ. Точно также конституціи 1588 и 1613 гг. относятъ сюда также короля, пановъ-радѣ (сенаторовъ или *koło senatorskie*) и пословъ (или *koło poselskie*), при участіи и съ согласія которыхъ и издаются конституціи на сеймѣ (Vol. I. II, 252, § 4, III, 83, § 11). Последній, какъ законодательное учрежденіе, такимъ образомъ, слагался изъ 3-хъ составныхъ частей: короля, избы радной (сенаторской) и избы посольской. Ни самъ король, ни избы сенаторская и посольская не могли издавать законовъ своею властью: законъ издавался только на сеймѣ, правильнѣе—сеймомъ. Вся ошибка г. Пташицкаго въ томъ, что онъ, вмѣсто „*koła poselskiego*“, о которомъ говорится въ конституціяхъ 1505, 1588 и 1613 г., подставляетъ „сеймъ“ и, противопологая его королю и сенату, утверждаетъ, что изданіе закона принадлежало королю, сенату и сейму, тогда какъ на дѣлѣ законодательная власть принадлежала королю и избамъ (*kołom*) сенаторской и посольской, въ

своей совокупности и составлявших сеймъ Речи Посполитой. Изъ сказаннаго, кажется, видно, что проф. Бершадскій вполне вѣрно формулируетъ мнѣніе по данному вопросу. Затѣмъ и второе положеніе г. Птапицкаго объ обнародованіи законовъ нуждается въ значительной оговоркѣ. По польско-литовскому праву законъ обнародывался („выдавался къ уживанью обывателей“) всегда королемъ отъ его имени въ господарскомъ листѣ; администрація же только распоряжалась технической стороной дѣла.

Теперь посмотримъ, какими соображеніями и основаніями руководился г. Птапицкій, утверждая, что статутъ 1588 г. былъ утвержденъ единолично королемъ, а не въ общемъ законодательномъ порядкѣ.

Первое и главное основаніе состоитъ въ томъ, что въ актахъ элекціоннаго сейма 1587 г. и конституціяхъ сейма коронаціоннаго 1588 г. не находимъ упоминанія объ изданіи и утвержденіи Статута. Дѣло въ томъ, что въ старое время въ сеймовыхъ конституціяхъ, появлявшихся въ печати и собранныхъ позже въ *Volumina legum*, чуть ли не до половины XVII столѣтія помѣщался въ большинствѣ случаевъ только текстъ постановленій, касавшихся Польши; конституціи литовскія вносились въ книги (метрику) и печатались лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Примѣръ — конституціи 1578 г.: въ нихъ рядъ статей, касавшихся Литвы, помѣченъ лишь обозначеніемъ ихъ заглавій, — какъ мы видѣли, самый текстъ такихъ статей былъ лишь записанъ въ метрику и вовсе не вошелъ въ печатныя изданія конституцій стараго времени. Иногда же конституціи литовскія и вовсе не упоминались въ печатныхъ изданіяхъ, какъ это было, напримѣръ, съ конституціями коронаціоннаго сейма 1588 г. Въ современномъ изданіи этихъ конституцій въ печати въ томъ же 1588 году (воспроизведенномъ затѣмъ въ *Volumina legum*) изложены только коронаціонныя конституціи; между тѣмъ, оказывается, что на томъ же самомъ сеймѣ состоялись и специально литовскія конституціи, не вошедшія, однако, ни въ печатное изданіе 1588 г., ни въ *Volumina legum*. Эти конституціи были внесены въ Литовскую Метрику и отсюда уже извлечены и отпечатаны въ текущемъ столѣтіи (въ Актахъ Западной Россіи). То же самое могло быть и съ актами элекціоннаго сейма, на которомъ, по свидѣтельству Сигизмунда III, 1588 г., былъ „прогледанъ“ Статутъ: въ современномъ изданіи ¹⁾ помѣщены статьи, касавшіяся главнымъ обра-

¹⁾ *Konfederacya generalna Warszawska* г. 1587. *Actum in curia Regia Varsaviensi etc.* A. D. 1587. *Ср.* *Vol. leg. II*, p. 226.

зомъ Польши и всей Речи Посполитой, и опущено все, что относилось къ Литвѣ, въ томъ числѣ и статья о „прогледаньи“ Статута. Изъ упомянутаго выше проекта конституцій элекціоннаго сейма во всякомъ случаѣ видно, что на этомъ сеймѣ шла рѣчь о Статутѣ (см. выше). Печатаніе *всплз* конституцій, состоявшихся на сеймахъ Речи Посполитой по дѣламъ какъ Короны, такъ и Литвы, становится обязательнымъ лишь съ половины XVII ст., именно съ сейма 1661 г., когда положено было непечатать всѣ конституціи сеймовыя „w najlepszym porządku“ — „із wiele należy na tym sałość Rzeczy Posp.“ (Vol. leg. IV, p. 330, § 22).

Третій Статутъ, какъ видно изъ сохранившихся объ его изданіи актовъ, составлялся при такихъ же точно условіяхъ, какъ и Статутъ второй редакціи. Какъ выше замѣчено, свѣденія объ изданіи послѣдняго и объ утвержденіи его законодательнымъ порядкомъ сохранились, главнымъ образомъ, въ господарскихъ привилеяхъ; самыя конституціи не сохранились. Г. Пташицкій, вполне довѣряющій въ этомъ случаѣ показаніямъ привилеевъ о порядкѣ изданія второго Статута, почему-то скептически относится къ категорическимъ показаніямъ господарскаго привилея о „прогледаньи“ третьяго Статута на элекціонномъ сеймѣ 1587 г. и объ утвержденіи его на сеймѣ коронаціонномъ 1588 г. По словамъ г. Пташицкаго, „указаніе на этотъ фактъ (разсмотрѣніе Статута на сеймѣ 1587 г.) въ привилегіи Сигизмунда III заставляеть думать, что онъ только частнымъ образомъ былъ тамъ разсматриваемъ, можетъ быть только въ отдѣльныхъ кружкахъ (koło)“. Но это лишь простая догадка, документально нисколько не обоснованная: мы не знаемъ ни одного примѣра, чтобы на старыхъ польскихъ и литовскихъ сеймахъ когда-либо „частнымъ образомъ“ разсматривались законодательные акты, — подъ коło разумѣлись не какіе-то гадательные „кружки“, а вполне опредѣленные части сейма — избы радная и посольская. Къ счастью, въ литовской метрицѣ сохранились самыя конституціи 1588 г., касавшіяся Литвы, и въ томъ числѣ конституція объ утвержденіи Статута. Въ этой конституціи, какъ и въ привилеѣ Сигизмунда III, помѣщенномъ въ предисловіи къ 3-му Статуту, точно опредѣляется порядокъ изданія Статута: онъ былъ „поправлень“ на повѣтовыхъ сеймикахъ (на головномъ съѣздѣ литовскихъ чиновъ въ Волковыйскѣ, по словамъ самого г. Пташицкаго, Статутъ былъ даже утвержденъ), „прогледанъ“ на Варшавскомъ элекціонномъ сеймѣ, затѣмъ „поданъ“ на коронаціонный сеймъ панами радою и послами литовскими, отъ имени всѣхъ становъ (сословій) обывателей княжества, съ просьбой объ его утвержденіи и обнaro-

дованіи. Представленіе проекта Статута на сеймъ нѣтъ никакихъ основаній считать частнымъ дѣломъ представителей литовскаго княжества. „Подача“ Статута на сеймъ и „просьба“ о его утвержденіи несомнѣнно основывались на сеймовой конституціи—головного ли съѣзда литовскихъ чиновъ въ Волковысейскѣ, или, что вѣроятнѣе, на конституціи элекціоннаго сейма,—естественномъ результатѣ „прогледанья“ на немъ проекта Статута. Словомъ, разсмотрѣніе Статута на элекціонномъ и коронаціонномъ сеймахъ могло быть дѣломъ не личной инициативы короля, но основывалось несомнѣнно на официальномъ рѣшеніи литовскихъ чиновъ. Затѣмъ, и самое утвержденіе Статута не было актомъ одного короля; оно состоялось путемъ соглашенія („намовы“) или, что тоже, разсмотрѣніе Статута королемъ на сеймѣ сообщась панамі-радами и избой посольской. Съ ихъ „позволенья“ (см. привилей 1-го февраля 1588 г.) король, какъ представитель верховной власти въ государствѣ, утвердилъ Статутъ своимъ привилеемъ. Здѣсь имѣло мѣсто не частное соглашеніе или переговоры короля съ членами сейма, какъ думаетъ г. Пташицкій, но въ полномъ смыслѣ законодательное разсмотрѣніе и утвержденіе Статута, какъ дѣйствующаго кодекса, изданнаго на сеймѣ для Литовскаго княжества. Словомъ, г. Пташицкій не имѣлъ рѣшительно никакихъ основаній утверждать, что Статутъ былъ утвержденъ единолично королемъ, а не въ законодательномъ порядкѣ. вмѣстѣ съ этимъ теряютъ всякій интересъ другіе вопросы, выставленные г. Пташицкимъ: какъ смотрѣли на Статутъ его современники, и пр. Сомнѣній въ законодательномъ происхожденіи Статута никогда и никто не заявлялъ, да иначе и не могло быть при томъ ходѣ редакціонныхъ работъ, каковой имѣлъ мѣсто при изданіи Статута.

Оставляемъ въ сторонѣ довольно длинное разсужденіе г. Пташицкаго о русскихъ и польскихъ изданіяхъ третьаго Статута. Въ данномъ случаѣ для правильной постановки спеціального вопроса о выморочныхъ имуществвахъ по Литовскому праву, было важно для изслѣдователя опредѣлить „первоисточникъ“ по этому вопросу. По мнѣнію проф. Бершадскаго, какимъ первоисточникомъ нужно считать Мамоничевское русское изданіе Статута 1588 г. къ такому же собственно выводу приходитъ и г. Пташицкій, полагающій (на стр. 23 первой брошюры): что „изданіе 1588 г. на русскомъ языкѣ и есть оригиналъ, всѣ послѣдующія на польскомъ представляютъ собою переводъ“.

Сдѣлаемъ встати замѣтку о числѣ польскихъ изданій Статута. Со временъ Линде и Даниловича извѣстны изданія: 1614, 1619,

1648, 1693 (у пр. Бершадскаго ошибочно—1691, у г. Пташицаго—1694), 1744, 1786, 1811 и 1819 гг. Кромѣ этихъ восьми изданій, покойный проф. Кистановскій упоминаетъ объ изданіяхъ 1623 и 1642 г. (Унив. Изв. Кіевъ, 1878, № 11, стр. 833); къ сожалѣнію, не указывая, откуда взяты свѣдѣнія объ этихъ изданіяхъ. Кромѣ того, въ нашихъ давнихъ библиографическихъ замѣткахъ сохранилось свѣдѣніе о польскомъ изданіи Статута Колудскимъ, подъ заглавіемъ: „Statut wielkiego xięstwa Litewskiego, przez A. Kołudzkiego zebrany i do druku dany. 1698“. Быть можетъ, на это изданіе дается указаніе въ заглавномъ листѣ Статута изд. 1744, 1786 и 1819 гг., гдѣ перечисляются изданія Статута въ XVII ст., въ томъ числѣ и изданіе 1698 г. Кромѣ этого изданія, редакторамъ Статута 1744 г. было извѣстно также и академическое изданіе 1693 г., о которомъ упоминается въ привилеѣ Августа III, 19-го сент. 1744 г., помѣщенномъ въ предисловіи къ Статуту изданія этого года. Слѣдуетъ сдѣлать также поправку касательно седьмого польскаго изданія Статута, напечатаннаго, какъ полагаютъ, „по частному почину“, въ С.-Петербургѣ, при Правит. Сенатѣ, въ 1811 г. Какъ видно изъ изслѣдованія проф. Кистяковскаго о сводѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи въ прошломъ столѣтіи, изданіе Статута въ 1811 г. было плодомъ работъ VI отдѣленія комиссіи составленія законовъ. Это было официальное изданіе, хотя не утвержденное законодательною властью, но тѣмъ не менѣе путемъ судебной практики получившее распространеніе въ судахъ Малороссіи и другихъ областей, гдѣ до 1840 г. примѣнялись старыя мѣстные законы (Унив. Изв. Кіевъ 1878, № XI, стр. 830 и слѣд.). Нѣкоторыя польскія изданія имѣли перепечатки подъ одной и той же датой, именно изданія 1619, 1693 и 1744 гг. (описаны Гурскимъ въ Przegląd bibl.-archeol, 1881; II, 269, 272, 274). Есть также указанія, именно въ заглавномъ листѣ польскаго изданія 1819 г., на двукратное (podwakoś) изданіе Статута при Станиславѣ-Августѣ; до сихъ поръ, впрочемъ, извѣстно только одно изъ нихъ—изданіе 1786 г. Въ библиотекѣ Варшав. университета имѣются всѣ извѣстныя доселѣ изданія Статута, съ ихъ перепечатками.

Къ важнѣйшимъ источникамъ, формулировавшимъ правовыя начала литовскаго права, относятся, кромѣ Литовскаго Статута, также сеймовыя постановленія, извѣстныя первоначально подъ именемъ *ухвалъ* и *уставъ*, позже *конституцій*. Въ занимающихъ насъ изслѣдованіяхъ рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о дѣйствии въ Литвѣ сеймовыхъ конституцій съ Люблинской униі, когда изъ

двухъ, дотолѣ самостоятельныхъ, государствъ, польскаго королевства и великаго княжества литовскаго, образовалась „Речь Посполитая“, единое польско-литовское государство, съ общимъ главой государства (королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ), съ общей „господарской радой“ (сенатомъ) и съ общимъ („вальнымъ“) сеймомъ всей Речи Посполитой. На этомъ-то сеймѣ и издавались законоположенія, бывшія обязательными для населенія всего государства (польско-литовскіе законы) или же только отдѣльныхъ его областей (законы коронныя или польскіе, литовскіе и пр.). Сеймовыя постановленія сводятся въ двѣ группы. Къ одной относятся конституціи, въ которыхъ не сказано категорически, для кого онѣ обязательны, — полагаютъ, что это будутъ *общія* конституціи, обязательныя для всей Речи Посполитой, — воззрѣніе, установившееся не только между изслѣдователями польско-литовскаго права, но и отчасти не оставшееся безъ вліянія и на судебную практику старой Литвы. Другую категорію сеймовыхъ конституцій составляютъ такія постановленія, въ которыхъ прямо указано, къ кому онѣ относятся или къ кому не относятся; но это не будутъ однѣ „частныя“ конституціи (какъ полагаетъ г. Пташицкій), обязательныя для тѣхъ, къ кому онѣ прямо отнесены, или не обязательныя для тѣхъ, о комъ прямо въ нихъ сказано“ (см. къ исторіи Литов. права, стр. 11). Въ составѣ конституцій второй группы найдется не мало такихъ постановленій, въ которыхъ категорически сказано, что онѣ дѣйствуютъ „какъ въ Коронѣ (т.-е. въ областяхъ собственно польскаго королевства), такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ (см. объ этомъ ниже); значитъ, это были не частныя, а тѣ же общія конституціи, обязательныя для всей Речи Посполитой, — ихъ, слѣдовательно, нужно относить къ конституціямъ первой группы. Последнія и составляютъ, какъ оказывается, весьма спорный вопросъ. Мы считаемъ весьма важной заслугой проф. Бершадскаго возбужденіе вопроса о дѣйствіи въ Литвѣ сеймовыхъ конституцій послѣ Люблинской уніи, — вопроса, отъ точнаго и категорическаго разрѣшенія котораго зависитъ самая возможность научныхъ изслѣдованій по исторіи литовскаго права послѣ Люблинской уніи.

Проф. Бершадскій признаетъ неосновательнымъ мнѣніе, будто бы опредѣленія всѣхъ сеймовыхъ конституцій послѣ 1569 г. распространялись и на Литву, имѣя въ ней по всѣмъ дѣламъ тоже самое значеніе, какое эти конституціи имѣли въ Польшѣ. Онъ утверждаетъ, что сеймовыя опредѣленія тогда только имѣли обязательную силу въ великомъ княжествѣ, когда о томъ прямо въ

нихъ упоминалось. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, разъ въ сеймовой конституціи не упоминается о вел. княжествѣ, ея постановленія не имѣютъ никакой силы на литовской территоріи (О наслѣдованіи, стр. 16, 19, 22).

Иначе рѣшается данный вопросъ г. Пташицкимъ. По его мнѣнію, въ Польшѣ и Литвѣ можетъ быть только одинъ общій сеймъ, а постановленія сейма были обязательны всѣмъ и каждому, если прямо и ясно не было сказано въ нихъ, что они относятся исключительно къ одной провинціи и къ одной личности. Даже впоследствии (съ 1591 г.), тѣ статьи, которыя касались только Литвы, а не Польши, стали выдѣлять отдѣльно, и этимъ обозначалось, что данныя статьи относятся только къ Литвѣ, тогда какъ всѣ остальные — ко всему государству, т.-е. и къ Литвѣ. Для примѣра г. Пташицкій беретъ конституціи 1607 г., раздѣляющіяся на двѣ половины, изъ коихъ второй дано особое заглавіе: „конституціи вел. княжества Литовскаго“. По мнѣнію г. Пташицкаго, въ первой половинѣ идутъ общія для всего государства постановленія. Разборъ постановленій одного этого сейма, по мнѣнію г. Пташицкаго, съ полною наглядностью показываетъ, что сеймовыя постановленія касались одной какой-нибудь польской провинціи только въ томъ случаѣ, если прямо объ этомъ въ нихъ говорилось; если же этой оговорки не было сдѣлано, то постановленіе было обязательно для всего государства. Свое мнѣніе г. Пташицкій, далѣе, подтверждаетъ указаніемъ, во-первыхъ, на несуществованіе въ Литвѣ закона, который бы опредѣлялъ, что только тѣ сеймовыя постановленія обязательны для Литвы, въ которыхъ объ этомъ прямо говорится; во-вторыхъ, на „припечатываніе“ при Статутѣ (съ 1619 г.) конституцій, которыя современниками-специалистами признавались обязательными для Литвы. Все это, по словамъ г. Пташицкаго, доказываетъ неоспоримо, что „сеймовыя конституціи съ 1569 г., въ которыхъ не была сдѣлана специальная оговорка, обязательны были для обоихъ народовъ—Польши и Литвы“ („Къ вопросу объ издан. Стат.“, стр. 27—28; „Къ исторіи литов. права“, стр. 12).

Изложенныя мнѣнія о дѣйствиі сеймовыхъ конституцій въ Литвѣ попытаемся, по возможности, точно провѣрить несомнѣнными документальными данными. Въ Литовскомъ Статутѣ, въ польскомъ переводѣ, начиная съ изданія 1619 г., приводятся при отдѣльныхъ артикулахъ относящіяся къ нимъ по своему содержанію сеймовыя конституціи. Между ними весьма часто указываются и такия, которыя, по возрѣнію г. Пташицкаго, должны быть обязательными для всего государства, т.-е.

какъ для Польши („короны“ по старому выраженію), такъ и для Литвы; потому что въ нихъ нѣтъ никакой специальной оговорки о томъ, что данная конституція касается той или другой области Речи Посполитой. Между тѣмъ, на дѣлѣ выходитъ иное. Возьмемъ для примѣра ссылки на сеймовыя конституціи въ I раздѣлѣ Статута изданія 1619 г. Здѣсь приводятся, между прочимъ, конституціи коронаціоннаго сейма 1588 г.: *de crimine laesae Maiestatis Regiae et perdulionis*, — *o Kommissyach*, — *o odpowiedzi*, — *o niedawaniu gleytów* (см. Vol. leg. II, стр. 251—254, §§ 2, 7, 9, 16). Во всѣхъ этихъ конституціяхъ нѣтъ никакой специальной оговорки о томъ, что онѣ относятся къ Литвѣ или другой области Речи Посполитой: держась мнѣнія г. Пташицкаго, мы должны бы считать эти конституціи обязательными для всего государства. Между тѣмъ, редакторъ Гавловицкій, печатавшій въ 1619 г. Литовскій Статутъ съ конституціями, категорически относитъ перечисленныя выше конституціи коронаціоннаго сейма 1588 г. къ такимъ именно постановленіямъ, которыя дѣйствовали *только* въ „Koronie“ (См. Stat. W. X. Lit., wyd. 1619, Razd. I, art. 2, 5, 15, 20, 26, 27, — стр. 2, 5, 17, 20, 26). Точно также въ III раздѣлѣ Статута приводятся такія же конституціи безъ специальныхъ оговорокъ, именно: конституціи 1578 г. — „*Jako sądzić mają*“ (vol. leg. II, p. 183, § 7) и „*de iniuriosis*“ (ib. p. 190, § 61); 1588 г. — „*o posażeniu siostr*“ (ib. p. 254, § 12); 1589 — „*o szlachectwie*“ (ib. p. 282, § 39); 1613 г. — „*targowe*“ (ib. III, p. 86, § 63; ср. Стат. 1619, p. 62, 67, 69, 74, 81) и пр. Всѣ эти конституціи, въ полный разрѣзъ съ мнѣніемъ г. Пташицкаго, обозначены дѣйствующими „w Koronie“; о дѣйстви въ Литвѣ нѣтъ нигдѣ ни слова. Мы привели примѣры, какіе сразу попались на глаза; можно привести и много другихъ указаній въ томъ же родѣ. Обозначеніе конституцій коронными или литовскими, какъ и вообще подборъ помѣщавшихся въ Статутѣ конституцій, по отзыву самого г. Пташицкаго, „былъ дѣлаемъ людьми практически ознакомившимися съ дѣйствующими законами, — ихъ указанія служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, какія конституціи были въ данное время обязательны“ (см. „Къ вопросу объ изд. Лит. Стат.“, стр. 39; „Къ исторіи Литов. права“, 12). Приведенныя данныя, какъ кажется, ясно доказываютъ, что формула, такъ категорически выраженная г. Пташицкимъ по данному вопросу, не можетъ никакимъ образомъ считаться неопровержимой аксіомой. Все дѣло въ томъ, что при томъ строѣ политико-правового быта Речи Посполитой, какой сложился съ Люблинской униі, долго не существовало общегосу-

дарственныхъ законовъ, обнимавшихъ собой всё отрасли права государственнаго, гражданскаго и пр. Каждая область Речи Посполитой долго жила по своимъ мѣстнымъ уставамъ и обычаямъ, — по старому дѣйствовали отдѣльныя системы права польскаго, литовскаго, волинскаго, прусскаго и пр. Общее „польско-литовское“ право, особенно на первыхъ порахъ образованія Речи Посполитой, было фикціей, не существовавшей въ дѣйствительности; да и позже, когда польско-литовское право стало реальнымъ понятіемъ, оно представляло нестройную совокупность случайныхъ правовыхъ нормъ, терявшихся въ массѣ мѣстныхъ узаконеній. Разобраться въ пестротѣ общихъ и мѣстныхъ нормъ права было весьма не легкимъ дѣломъ. Дѣйствительно, въ наличности было весьма мало вопросовъ, по которымъ послѣ Люблинской уніи могли бы появляться общіе законы, обязательные для населенія всего государства, безъ всякихъ оговорокъ въ пользу мѣстныхъ „правъ, вольностей и привилегій“, каковыми пользовались отдѣльныя области Речи Посполитой, также различные общественные классы и общины. Таковы именно вопросы общегосударственнаго характера — о „господствѣ“ королей—великихъ князей литовскихъ, о господарской радѣ или сенатѣ и о вальномъ сеймѣ Речи Посполитой. Они-то составляли общія государственныя учрежденія, имѣвшія одинаковое значеніе и дѣйствіе въ государствѣ безъ всякихъ мѣстныхъ особенностей и различій. Въ отношеніи къ такимъ учрежденіямъ имѣли силу не тѣ или другіе мѣстные уставы, привилегіи и обычаи отдѣльныхъ областей, но общіе государственные законы, издававшіеся въ формѣ сеймовыхъ конституцій. Законы, постановлявшіеся на сеймахъ по указаннымъ вопросамъ, не могли требовать никакихъ оговорокъ о томъ, относятся ли они или нѣтъ къ той или другой области: при всякомъ положеніи послѣднихъ законы по такимъ вопросамъ должны были имѣть общегосударственный характеръ, считались обязательными на всей территоріи государства. Въ виду этого, во всѣхъ сеймовыхъ конституціяхъ объ элекціи, коронованіи и раста сопвента господарей, какъ и вообще о правахъ и прерогативахъ королевской власти, затѣмъ законы объ организаціи и функціяхъ сената и сейма, никогда не заключали и не могли заключать въ себѣ спеціальной оговорки объ ограниченіи дѣйствія ихъ опредѣленной частью территоріи государства, и именно потому, что, по самой своей природѣ, упомянутыя учрежденія не могли допускать относительно ихъ никакихъ спеціальныхъ оговорокъ въ государственныхъ законахъ.

Затѣмъ, что касается другихъ отраслей права—администра-

тивнаго, гражданскаго и пр., то въ Речи Посполитой долго не существовало законовъ, общихъ для всего государства. Въ этомъ случаѣ въ Литвѣ, какъ и Польшѣ, въ XVI и послѣдующихъ вѣкахъ, держалась въ большей или меньшей степени старая система сословныхъ и мѣстныхъ законовъ. Литовскій Статутъ вовсе не отмѣнялъ партикулярныхъ уставовъ и обычаевъ, дѣйствовавшихъ въ до-статutowое время во всѣхъ литовско-русскихъ областяхъ. Въ статутѣ 1588 г. (разд. III, арт. 15) государь обязуется: „все привилія земскіе стародавние и ново отъ насъ данны вольности и звичаи добрые стародавние ховати и ни въ чомъ того не нарушати“ (Ср. также Ст. 1529, разд. III, арт. 6, Ст. 1566, разд. III, арт. 12). И дѣйствительно, въ эпоху Статута не только удерживали силу старые законы и уставы мѣстные или сословные, но и издавались новые законы. Таковъ общій шляхетскій привилей 1568 г. (АЮЗР. II, № 146); таковы же привилеи, дававшіеся во второй половинѣ XVI ст. шляхтѣ различныхъ литовско-русскихъ областей, напр. шляхтѣ Мстиславской, Радомской и пр. (ib. I, № 124, 153 и др.). Точно также въ эпоху Статута удерживали силу старые областные уставы, а также издавались новые, напр. уставы Полоцкой земли—1547, 1580, 1593 и 1634, Кіевской 1529, Волынской 1554, Бѣльской 1547, Жмудьской 1569 и пр. (Ав. Вил. Ком. т. XIII, № 21; АЗР. III, № 13; Arch. Sangusz. III, 262, 318 и др.; Vol. leg. I, p. 587 и пр.). Подобнымъ же образомъ мѣстные обычаи разныхъ польскихъ областей кодифицировались въ областныхъ уставахъ и сеймовыхъ конституціяхъ. Таковы напр. „zwyszaie“ Мазовецкой земли, записанные на сеймахъ 1538 и 1576 гг. (Vol. leg. I, стр. 263; II, 167), земли Краковской 1505 (ib. I, 148), прусскихъ областей (I, 180, 225, 266 и др.; III, 44), Инфлянтъ польскихъ (II, 220). Мѣстные обычаи не отмѣнялись и въ юго-западныхъ русскихъ земляхъ, непосредственно присоединенныхъ къ Польшѣ, — Подляшской, Галицкой, Белзской, Волынской, Подольской, Кіевской. Въ *Volumina legum* находимъ массу конституцій, сюда относящихся (I, 91, 174; II, 77, 83, 86 и др.).

Прямымъ результатомъ такого порядка вещей въ Речи Посполитой, въ законодательствѣ которой имѣло мѣсто полное преобладаніе системы мѣстныхъ законовъ и обычаевъ надъ общегосударственными законами, было то, что законодатели, засѣдавшіе на польско-литовскомъ сеймѣ, должны были строго считаться съ мѣстными и сословными уставами и обычаями, — каждый разъ, когда обсуждался на сеймѣ вопросъ объ изданіи какого-либо новаго закона, прежде чѣмъ онъ получалъ форму сеймоваго по-

становленія, долженъ былъ ставиться вопросъ о мѣстныхъ уставахъ и обычаяхъ,—не нарушаетъ ли ихъ новый законъ, въ какое отношеніе становится онъ къ нимъ,—только ли разъясняетъ, или дополняетъ и измѣняетъ, или и вовсе отмѣняетъ ихъ дѣйствіе и пр. Поэтому-то во всякой новой конституціи, имѣвшей значеніе общаго закона, всегда отмѣчалось въ ней, что она дѣйствуетъ, какъ „w Когоніе“, такъ и „w W. X. L.“, — „касается и вел. княжества Литовскаго“ и т. п. Оберегателями мѣстныхъ законовъ, обычаевъ и вольностей на сеймѣ являлись, не только вся посольская изба, слагавшаяся изъ земскихъ (собственно шляхетскихъ) представителей или пословъ отъ каждаго повѣта, но и радная изба, гдѣ воеводы отдѣльныхъ польскихъ и литовско-русскихъ областей являлись авторитетными представителями послѣднихъ. Въ интересахъ представительствуемыхъ ими земель было существенно важно и необходимо, чтобы въ сеймовыхъ конституціяхъ всегда точно обозначалось, какія именно постановленія были обязательны для областей, жившихъ по своимъ мѣстнымъ законамъ. Отсюда, путемъ законодательной практики, какой сеймы необходимо должны были держаться именно въ виду партикулярнаго характера польско-литовскаго законодательства, и установились правила, опредѣлявшія территоріальное дѣйствіе сеймовыхъ постановленій, въ особенности въ двухъ главныхъ половинахъ Речи Посполитой—Коронѣ и вел. княжествѣ Литовскомъ: въ общихъ постановленіяхъ, дѣйствовавшихъ на территоріи обѣихъ половинъ государства, всегда точно обозначается, что такая-то конституція дѣйствуетъ не только въ „Коронѣ, но и въ Литвѣ“. Обозначается это иногда въ самомъ титулѣ конституціи; иногда ея содержаніе излагается такъ, что въ немъ заключается прямое указаніе на дѣйствіе даннаго постановленія въ Польшѣ и Литвѣ; большею же частью общія сеймовыя постановленія излагаются въ видѣ коронныхъ конституцій, а въ концѣ ихъ дѣлается оговорка, что онѣ касаются и вел. княжества Литовскаго.

Что касается конституцій, собственно коронныхъ, то мѣстное ихъ дѣйствіе въ одной коронѣ обозначается иногда въ титулѣ, иногда въ самомъ текстѣ; иногда въ концѣ дѣлается оговорка, что данная конституція не распространяется на Литву¹⁾. Затѣмъ, въ общую практичку вошло правило, въ силу котораго

¹⁾ Vol. leg. II, p. 342. Конст. 1593 г., § 5—o sędziach: „a ta konstytycya nie ma się sciagać na księstwo Litewskie, iedno na Koroniu“; ib. p. 368—конст. 1598, § 7—„o pozwiech zadwornych generalna“: „ta konst. Wielkie x. Litewskie nie ma zachodzić“. Ср. также ib. II, p. 464—конст. 1609—„o ludziach swawolnych“ и т. д.

спеціальныя оговорки о територіальномъ дѣйствіи сеймовыхъ постановленій сопровождаютъ лишь такія конституціи, которыя дѣйствовали на всей территоріи Речи Посполитой, или только въ какой-либо отдѣльной области. Конституціи собственно коронныя не сопровождаютъ никакими оговорками, что служить прямымъ показателемъ того, что такія конституціи не распространяются на Литву и вообще не выходятъ за предѣлы собственно польскихъ провинцій. Всѣ эти правила выработывались не какимъ-либо особымъ закономъ, но сеймовой практикой, строго выдержанной во всѣхъ конституціяхъ.

Система спеціальныхъ оговорокъ въ сеймовыхъ конституціяхъ имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи права Речи Посполитой. Путемъ такихъ оговорокъ, въ теченіе XVI—XVIII столѣтій, ассимилировались въ западно-русскихъ и польскихъ земляхъ мѣстныя начала права и, такимъ образомъ, въ законодательствѣ Речи Посполитой постепенно осуществлялась объединительная тенденція, высказанная въ актѣ Люблинской уніи ¹⁾, и затѣмъ возбужденная на элекціонномъ сеймѣ 1587 г., когда предполагалось составить изъ польскихъ и литовскихъ законовъ одинъ общій статутъ, который бы дѣйствовалъ на всей территоріи Речи Посполитой (см. выше). Эта-то тенденція Люблинской уніи и элекціоннаго сейма 1587 г. осуществлялась на всѣхъ послѣдующихъ сеймахъ польско-литовскихъ. Ни одинъ изъ нихъ не обходился безъ того, чтобы не издавались конституціи съ общегосударственнымъ характеромъ, которыя вовсе отменяли или же въ большей или меньшей степени видоизмѣняли мѣстныя особенности и различія въ правѣхъ отдѣльныхъ литовско-русскихъ и польскихъ областей. Къ концу политическаго существованія Речи Посполитой дѣйствительно развилась, путемъ сеймовыхъ конституцій, система польско-литовскаго права, дѣйствовавшего на всей территоріи государства и въ значительной степени ассимилировавшаго мѣстныя различія въ правѣхъ отдѣльныхъ областей, въ томъ числѣ и Литвы. Но общіе государственные законы Речи Посполитой никогда не имѣли характера сколько-нибудь законченной системы законовъ государственныхъ, гражданскихъ и пр., со всѣмъ комплексомъ правовыхъ институтовъ, — рядомъ съ польско-литовскимъ правомъ до послѣдняго времени строго держалась система провинціальныхъ правъ. На сеймахъ ревнители старины всегда

¹⁾ Въ этомъ актѣ было положено возможно ближе согласовать право литовское съ польскимъ, чтобы во всѣхъ областяхъ, какъ въ единой Речи Посполитой, „jednaka a nie odwloczna sprawiedliwość ludziom iść mogła. См. Vol. leg. I, p. 101.

крѣпко отстаивали и берегли отъ всякихъ нарушеній областныя и сословныя „вольности, права и стародавніе обычаи“, — въ ряду такихъ оберегателей земскихъ вольностей и „звычайевъ“ по Литовскому Статуту на первомъ планѣ является самъ господарь ¹⁾. Словомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ теченіе всего политическаго существованія Речи Посполитой крѣпко держалась въ ней система партикулярныхъ правъ и вольностей. Мало того: послѣднія, какъ видно по всему, являлись общимъ правиломъ, — исключеніе изъ него представляли именно общіе законы Речи Посполитой, выработывавшіеся въ теченіе XVI—XVIII вѣковъ въ формѣ сеймовыхъ конституцій, обязательныхъ для населенія всего государства (что и обозначалось всегда въ конституціяхъ), безъ всякихъ мѣстныхъ различій и особенностей.

Къ сожалѣнію, до настоящаго времени остается совершенно неразработаннымъ въ наукѣ вопросъ о территориальномъ дѣйствіи всѣхъ сеймовыхъ конституцій Речи Посполитой, въ особенности такихъ, которыя издавались безъ всякихъ специальныхъ оговорокъ о ихъ территориальной силѣ и дѣйствіи. Разъясненіе этого темнаго въ настоящее время вопроса, имѣющаго, однако, капитальное значеніе въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ, представляетъ еще дѣло будущаго. Окончательное и вполне безспорное разрѣшеніе вопроса о „польско-литовскомъ“ правѣ возможно лишь путемъ всесторонняго, детальнаго изученія каждой конституціи въ отдѣльности, — задача, которая, въ виду массы сеймовыхъ конституцій, накопившихся въ теченіе болѣе чѣмъ двухвѣковаго существованія Речи Посполитой, можетъ быть исполнена не единичнымъ трудомъ одного изслѣдователя, но лишь путемъ долговременныхъ и совокупныхъ усилій нѣсколькихъ специалистовъ. Во всякомъ случаѣ, меньше всего можно довольствоваться въ настоящемъ случаѣ (какъ это дѣлаетъ г. Пташицкій), вовсе не научнымъ, методическимъ приѣмомъ примѣненія кодификаціонныхъ принциповъ, выработанныхъ *современной* намъ законодательной практикой, къ болѣе раннимъ эпохамъ развитія права. Въ настоящее время, при полномъ господствѣ, можно сказать — всемогуществѣ идеи общегосударственныхъ правовыхъ нормъ, послѣднія всегда облекаются въ форму общихъ законовъ, — специальныя оговорки дѣлаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда данный законъ имѣетъ партикулярное назначеніе, издается для

¹⁾ „Тежъ прирекаемъ вси привилія земские стародавние, и ново отъ насъ даные вольности и звычайи добрые стародавние ховати и ни въ чомъ того не нарушати“. Ст. 1588, разд. III, арт. 15.

отдѣльной мѣстности. Не такъ было въ старину, когда право вообще отличалось строгимъ партикуляризмомъ и потому идея общаго закона вовсе не была развита или же она проявлялась лишь въ смутныхъ очертаніяхъ. Въ то время общіе законы государства могли имѣть обязательную силу на территоріи автономныхъ областей, жившихъ по своему собственному, мѣстному праву, лишь подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ,—чтобы въ самомъ законѣ заключалась специальная оговорка о распространеніи его на данную область, т.-е. оговорка объ отмѣнѣ или ограниченіи мѣстныхъ законовъ и обычаевъ; разъ такой оговорки не было въ наличности, и самый законъ не могъ, по старому воззрѣнію, считаться обязательнымъ на территоріи автономныхъ областей.

Въ настоящемъ случаѣ мы не беремъ на себя нелегкой задачи—полнаго разрѣшенія вопроса о территоріальной обязательности сеймовыхъ конституцій Речи Посполитой. Мы предлагаемъ лишь личное мнѣніе, основанное на внимательномъ, но, конечно, далеко не полномъ просмотрѣ и изученіи конституцій, помѣщенныхъ въ *Volumina legum*. Ближайшее знакомство съ послѣдними приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что формула, предлагаемая по занимающему насъ вопросу проф. Бершадскимъ, стоитъ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ формула г. Пташицкаго, основанная, какъ мы видѣли, на одномъ изъ кодификаціонныхъ принциповъ, выработанныхъ законодательной практикой нашего времени и вовсе неизвѣстныхъ старой правящей эпохи законодательнаго партикуляризма.

Въ подтвержденіе высказаннаго нами воззрѣнія о территоріальномъ дѣйствіи сеймовыхъ конституцій въ Польшѣ и Литвѣ со времени Люблинской уніи, разберемъ составъ конституцій того же сейма 1607 г., на который ссылается и г. Пташицкій („Къ вопросу объ изд. Ст.“, стр. 27). Конституціи этого сейма состоятъ изъ двухъ половинъ, каждая съ особымъ титуломъ: первая половина носить общее заглавіе: „*Konstytucye seymu walnego koronnego w Warszawie r. pań. 1607*“, и состоитъ изъ 85 статей,—каждая съ особымъ заглавіемъ (Vol. 1., t. II стр. 432—448). Вторая половина, подъ заглавіемъ: „*Konstytucye Wielkiego xięstwa Litewskiego, na seymie walnym koronnym Warszawskim, w r. 1607*“, состоитъ изъ 20 статей, тоже каждая съ особымъ заглавіемъ (ib., стр. 448—452). По словамъ г. Пташицкаго, конституціи первой половины „всѣ обязательны для Литвы“,—это „общія для всего государства постановленія“ („Къ вопросу объ изданіи Статута“, стр. 27—28). Выводъ г. Пташицкаго мы счи-

таемъ положительно невѣрнымъ. При ближайшемъ разсмотрѣннн первой половины постановленій сейма 1607 г. оказывается, что изъ 85 конституцій общее значеніе имѣютъ всего 25 конституцій; затѣмъ 11 конституцій относятся къ одной „Коронѣ“ и, наконецъ, остальные 49 конституцій (т.-е. преобладающее большинство постановленій сейма 1607 г.) имѣютъ совершенно партикулярный характеръ, были изданы не только не для всей Речи Посполитой, но и не для всей короны, составляли мѣстные законы лишь нѣкоторыхъ польскихъ областей и городовъ.

Къ общимъ конституціямъ 1607 г. несомнѣнно относятся слѣдующія 6 статей: 1, 9, 16, 18, 19 и 31. Въ нихъ рѣчь идетъ объ элевціи королей и другихъ вопросахъ, касавшихся власти господаря и сейма, т.-е. именно о такихъ вопросахъ, которые имѣли общегосударственный характеръ, не могли, поэтому, подлежать никакимъ ограниченіямъ по мѣстнымъ вольностямъ и „zwyczajom“ и, какъ фундаментальные законы всего государства, изложены безъ всякихъ специальныхъ оговорокъ о территоріальной ихъ силѣ и дѣйстви. Къ конституціямъ, имѣвшимъ одинаковую силу въ Коронѣ и Литвѣ, нужно, далѣе, относить слѣдующія 19 сеймовыхъ постановленій: 2—7, 11, 12, 17, 20—23, 25, 28—30, 32 и 33, именно потому, что въ самомъ текстѣ всѣхъ этихъ конституцій точно обозначено, что изложенныя въ нихъ постановленія имѣютъ обязательную силу, какъ въ Коронѣ, такъ и вел. княжествѣ Литовскомъ.

Остальные 60 статей, изложенныя безъ спеціальной оговорки объ обязательности ихъ для Литвы, имѣютъ несомнѣнно „коронный“ характеръ, дѣйствовали только въ областяхъ польскихъ. Однѣ изъ нихъ были обязательны на всей территоріи „Короны“. Таковы конституціи подъ №№: 8, 10, 14, 15, 26 и 36. Коронный характеръ ихъ обозначается иногда въ самомъ заглавіи, напр. § 8—„Pozwy zadworne Koronne“. Между прочимъ, въ концѣ этой конституціи прибавлено: „а на W. X. Litewskie konstytucya generalna anni 98 ściagać się ma“; эта оговорка сдѣлана въ виду того, что въ конституціи 1598 „o powiech zadwornych generalna“ (Vol. II, стр. 367—368, § 7) сказано: „Ważniemy jednak, że ta konstytucya Wielkie X. Litewskie nie ma zachodzić“, — отмѣна послѣдняго ограниченія и распространеніе конституціи 1598 г. на Литву принадлежитъ 8-й конституціи 1607 г. Коронный характеръ обозначенъ также въ заглавіи конституцій § 10, 15 и 26. Затѣмъ, иногда изъ самаго текста конституцій видно, что онѣ имѣютъ коронный характеръ. Такъ, § 10-й говоритъ объ „appelacyach“ по дѣламъ „w Koronie“,

§ 36—объ „ustawach Woiewodzkych“, разсматриваемыхъ „gadamі Koronemi“. Затѣмъ, въ § 34 до 84 включительно (кромѣ § 36 и 48) излагаются мѣстные польскіе законы, въ которыхъ опредѣляются разныя „wolności i prawa“ областей и городовъ, входившихъ въ составъ Короны. Мѣстный характеръ такихъ конституцій, большею частью, обозначается въ ихъ заглавіяхъ; напр, § 34: „Restytucya expulsione Patrum Societatis Jesu, do kościoła y szkoły Toruńskiey“; § 35—„Ordynacja Ziemie Inflantskiej“ и т. д. Нѣкоторыя изъ такихъ конституцій имѣютъ въ титулѣ общее значеніе, но затѣмъ, въ концѣ конституціи присоединяется оговорка о мѣстномъ ея дѣйствіи только въ известной области: § 40 имѣетъ общее заглавіе: „De securitate iudiciorum“, а въ концѣ конституціи сказано: „ktora konstytucja na Poznańskie y Russkie Woiewodztwa sćiągać się ma“ (Vol. II, стр. 442). Такой же общій характеръ имѣетъ титулъ 46-й конституціи: „O rozwach complicitum bannitorum“; но въ концѣ конституціи помѣщена оговорка: „Która konstytucja samemu woiewodztwu Podlaskiemu służyć ma“ (ib., стр. 444).

Безъ всякихъ оговорокъ о территоріальномъ дѣйствіи остаются лишь слѣдующія пять конституцій 1607 г.: 13-я конст. „o praescrupsjach“, 24-я „o dzierzwach świeckich“, 27-я „o dekrétach tribunalskich“, 48-я „de raptu“ и 85-я „o żołnierzach“. По всѣмъ этимъ вопросамъ въ Литвѣ дѣйствовали законы, изложенные въ Статутѣ, Трибуналѣ, военныхъ уставахъ и разныхъ земскихъ и областныхъ привилеяхъ. Если бы перечисленные пять конституцій 1607 г. имѣли общегосударственный характеръ, т.-е. изданы были съ отмѣной или какимъ-либо измѣненіемъ въ мѣстныхъ законахъ Литвы, то въ конституціяхъ это обстоятельство несомнѣнно было бы точно оговорено; разъ же этого на дѣлѣ не было, мѣстные законы оставались въ прежней силѣ, новыя же конституціи ограничивались лишь дѣйствіемъ въ областяхъ коронныхъ, не распространялись на Литву. Такое именно значеніе конституцій безъ специальныхъ оговорокъ, какъ будетъ сказано ниже, весьма точно опредѣляется въ сводѣ конституцій, изложенныхъ въ прибавленіяхъ къ отдѣльнымъ артикуламъ третьяго Литовскаго Статута въ польскомъ переводѣ 1619 и другихъ годовъ. Тамъ же находимъ точныя указанія, не оставляющія никакого сомнѣнія въ значеніи конституцій сейма 1607 г. Редакторъ (Гавловицкій), издавшій въ 1619 г. въ печати польскій переводъ третьяго статута и помѣстившій на его поляхъ „коронныя“ конституціи, чтобы показать разницу между законами литовскими и польскими (см. объ этомъ ниже), пунктуально отмѣчаетъ консти-

туці, имѣвшія силу не только въ коронѣ, но и въ Литвѣ, однообразной оговоркой: „у w W. X. Lit.“; конституціи же собственно коронныя приводятся безъ этой оговорки. Такимъ же точно образомъ, изъ первой половины конституцій, постановленныхъ на сеймѣ 1607 г., суммируются нѣсколько сеймовыхъ постановленийъ, причемъ тѣ изъ нихъ, которыя были обязательны въ Литвѣ, всегда сопровождаются оговоркой: „у w W. X. Lit.“¹⁾, и наоборотъ, — такой оговорки не находимъ въ конституціяхъ, дѣйствовавшихъ въ одной коронѣ. Въ Статутѣ изд. 1619 г. къ конституціямъ послѣдняго рода отнесены, между прочимъ, и такія, которыя въ своемъ текстѣ не заключаютъ никакой специальной оговорки о территоріальномъ ихъ дѣйствіи и по теоріи г. Пташицкаго должны быть отнесены къ общимъ постановленіямъ, напр. „o dekretach Tribunalskich“ и „o praescriptis“²⁾. Такой же точно составъ, какъ видно по всему, имѣли вообще конституціи, издававшіяся съ Люблинской уніи до и послѣ сейма 1607 г. Внимательный просмотръ конституцій, помѣщенныхъ въ Volumina legum, позволяетъ намъ выдѣлить изъ состава конституцій, издававшихся польско-литовскими сеймами, общія конституціи, касавшіяся высшихъ государственныхъ учреждений, общихъ для Польши и Литвы (короля, сената и сейма), какъ и другихъ вопросовъ права административнаго, гражданскаго и пр.; но conditio sine qua non дѣйствія конституцій по послѣднимъ вопросамъ была всегда специальная оговорка о дѣйствіи конституцій въ Литвѣ, — разъ такой оговорки не было, сеймовая конституція считалась исключительно *коронной*, не имѣла никакой обязательной силы и дѣйствія въ Литвѣ.

Общегосударственное значеніе сеймовыхъ конституцій безъ специальныхъ оговорокъ г. Пташицкій подтверждаетъ, далѣе, свидѣтельствомъ современныхъ юристовъ: „Великій Литовскій кодификаторъ, самъ канцлеръ Левъ Сапѣга, при жизни своей дозволяетъ со своимъ именемъ печатать Статутъ съ конституціями, на который редакторъ, вращавшійся подлѣ канцлера въ судахъ, указываетъ намъ какъ на обязательныя для Литвы“³⁾. Здѣсь

¹⁾ Для примѣра укажемъ на общія конституціи 1607 г., приведенныя въ I раздѣлѣ Статута: „o wakancjach“ (Vol. leg. II, p. 435), „o falszywey monecie“ (ib. p. 438) и „o processie skarbowym“ (ib. p. 439). Всѣ эти общія конституціи Польши и Литвы обозначены одной и той же оговоркой — „у на W. X. Lit.“ (См. Стат. 1619 г. разд. I, арт. 14, 17, §34). Въ Статутѣ изд. 1811 г. конституціи эти названы „коронными и литовскими“.

²⁾ См. Vol. leg. II, p. 436, 438. Стат. 1619, разд. I, арт. 11; разд. III, арт. 3.

³⁾ Къ вопросу объ изд. Стат., стр. 28. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 35) г. Пташицкій говоритъ, что конституція 1588 г. „внесена была въ позднѣйшія изда-

рѣчь идетъ о порученіи Варфол. Гавловицкому изданія въ 1619 г. Статута въ польскомъ переводѣ съ конституціями. По г. Пташицкому выходитъ, что Гавловицкій, помѣщавшій при отдѣльныхъ артикулахъ Статута соответственныя конституціи, выбиралъ изъ нихъ только такія, которыя были обязательны для Литвы и служили какъ бы дополненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ законоположеній, собранныхъ въ Статутѣ. Въ дѣйствительности вопросъ стоялъ совершенно иначе. Главная цѣль помѣщенія конституцій въ новомъ изданіи Статута категорически объяснена въ самомъ его заглавіи („St. W. X. Lit... roku 1588 wydany, a teraz po drugi raz polskim ięzykiem do druku podany, z pokazaniem, w czym Statuta korony Polskiej z Statutem W. X. L. sa zgodne, w czym zas' sa rozne, texta samego Statutu niwczym nieodmieniaiac, przy artykulach tego statutu na brzegach iest poloż onq“) и въ письмѣ Гавловицкаго (отъ 1-го мая 1619) канцлеру Льву Сапѣгѣ, помѣщенномъ въ предисловіи къ Статуту (стр. 12): „Przy wydaniu tedy wtorym tego statutu Polskim ięzykiem wzialem to przędsie, abym na kształt concordanciy krotko w czym koronne prawo y Statuta z prawami y Statutami W. X. L. są zgodne, a w czym zaś są rozne, a potym co po wydanin tego Statutu W. X. L. r. 1588 az do tych czasow Konstytucyami Seymowemi za prawo na W. X. L. iest uchwalono (samego textu tego Statutu niwczym nieodmieniać, ani naruszaić) pokazał, chcąc w tym użyteczna wielom ludzi posługe wyrządzić, zwlaszcza tym, ktorzy ani Statutow ani praw Koronnych, ani konstytutyi zobopolnych, gdy potrzeba wyciąga, na ręke mieć nie mogą, aby przy lednostajnym prawie swym na wszystkie insze iakoby w szierciedle razem patrzyli“. Въ слѣдующемъ, затѣмъ, обращеніи Гавловицкаго „do czytenika laskawego“ онъ объясняетъ, что сеймовыя ухвалы, литовскія и коронныя, съ по-

ніа Статута и слѣдовательно канцлеромъ и юристами того времени считалась обязательною для Литвы“. Во второй брошюрѣ г. Пташицкій по тому же вопросу говоритъ: „припечатываніе конституцій при послѣдующихъ изданіяхъ Статута, дѣлаемое современными юристами съ одобренія иногда специальныхъ комиссій (при изд. 1648 г.), служить показателемъ того, какія конституціи считались современниками-специалистами обязательными для Литвы“ (Къ исторіи Литов. права, стр. 12). Изъ приведенныхъ отзыовъ ясно видно, что г. Пташицкій вовсе не имѣлъ въ виду въ речахъ польскихъ изданій Статута съ суммируемыми въ нихъ конституціями, или если и имѣлъ, то отнесся къ заключающимся въ нихъ показаніямъ съ непростительнымъ невниманіемъ и потому судить и рядить о дѣлѣ совершенно гадательно, безъ всякаго, хотя бы приблизительнаго знакомства съ дѣйствительнымъ положеніемъ трактуемыхъ имъ вопросовъ.

казаніемъ сходства и различій правъ и статутовъ коронныхъ и литовскихъ приводятся для свѣдѣнія „obywatelem W. X. Lit., a osobliwie tym, ktorzy maietnosci swe tu w tym Panstwie y w Koronie polskiej pewnym prawem zasięgaia“ ¹⁾). Указаніе на то, что Гавловицкій сводилъ въ своемъ изданіи артикулы Литовскаго Статута съ конституціями и статутами коронными (последнія помѣщены на поляхъ Лит. Статута), находимъ въ обращеніи Виленскаго писаря Іосифа Піотровича, отъ 1-го мая 1648 г., къ королю Владиславу IV, поручившему ему изданіе Статута въ 1648 г. (это обращеніе помѣщено въ предисловіи къ Статуту): „chętnie przyjąłem tę pracę, którą szlachetny niegdy Bart. Gallowicki w conferowariu statutu W. X. Lit. z Constituciami y Statutami Koronnemi zaczął continuować“. Въ Статутѣ 1619 г. приводятся при отдѣльныхъ артикулахъ (на поляхъ) коронные законы, начиная съ Вислицкаго Статута 1347 г., затѣмъ всѣ конституціи, суммируемыя Гавловицкимъ до коронаціоннаго сейма 1588 г. влючительно, носятъ также коронный характеръ. Конституціи, бывшія до изданія Статута 1588 г. обязательными для Литвы, вошли въ составъ Статута или имъ вовсе отмѣнены и потому потеряли прежнюю силу, на этомъ основаніи Гавловицкій и внесъ въ свой сводъ только тѣ изъ литовскихъ конституцій, которыя изданы были для Литвы послѣ сейма 1588 г. Эти-то конституціи, особенно если онѣ въ то же время дѣйствовали въ Польнѣ, точно обозначаются (обыкновенно въ концѣ) однообразной оговоркой: „у на W. X. L., или „у на W. X. Lit. ta constitucya ścięga się“, или „w Koronie y W. X. Lit.“ — „tak w Koronie, iako y w W. X. Lit.“ и пр. ²⁾). Вмѣстѣ съ разъясненіемъ вопроса объ обязательности для Литвы конституцій, сведенныхъ въ Статутъ 1619 г., Гавловицкій даетъ также катего-

¹⁾ Коронныя конституціи взяты Гавловицкимъ изъ сборника Гербурта Фулстынскаго: Statuta y Przywileie koronne. W. Krak. 1570. Гавловицкій пользовался также слѣдующими двумя сборниками: 1) *Artykuły woienne hetmanskie autoritate seymu aprobowane r. 1609* (s. a. et. l.); 2) *Statuta y przywileie na walnych seymach koronnych od r. 1550 az do r. 1616 uchwalone*. Wyd. przez. Andr. Piotrkowicza. Krak. 1616; второе изд. (съ констит. до 1619 г.) Krak. 1619. На эти изданія и дѣлаются ссылки въ Статутѣ 1619 г.

²⁾ Для примѣра приведемъ указанія на конституціи, дѣйствовавшія въ Литвѣ, какія встрѣчаются въ первомъ раздѣлѣ Статута 1619 г.: 1) арт. 3—конст. „o monecie“ 1601; 2) арт. 8—конст. „przywileje na przywileji“; 3) арт. 10—кон. „deklaracia bezpicezenstwa pospolitego“ 1611; 4) арт. 14—к. „o processie skarb.“ 1607; 5) арт. 20—к. „exempty“ etc. 1618; 6) арт. 30—к. о mytach (cłech) 1596; 7) арт. 34—к. „o wakancyach“ 1607. Всѣ остальные конституціи приводимыя въ I раздѣлѣ Статута, имѣютъ исключительно коронный характеръ.

рическія указанія, ради какихъ цѣлей въ Литовскомъ Статутѣ суммируется, иногда весьма подробно, содержаніе постановленій, извлеченныхъ изъ старыхъ коронныхъ Статутовъ и конституцій, не бывшихъ никогда обязательными въ Литвѣ. Какъ заявляетъ самъ Гавловицкій, указанія на коронные законы даются для свѣдѣнія въ особенности обывателей княжества, имѣвшихъ „maietności“ въ Литвѣ и Польшѣ, т.е. иначе говоря, для свѣдѣнія лицъ, владѣвшихъ шляхетскими имѣніями „правомъ“ литовскимъ или польскимъ и по поземельнымъ тяжбамъ нуждавшихся въ знаніи законовъ польскихъ и литовскихъ, такъ какъ на судѣ разбирались дѣла по тѣмъ или другимъ законамъ, смотря по тому, состояли ли имѣнія на правѣ литовскомъ или польскомъ. Замѣтимъ при этомъ, что литовскіе паны владѣли имѣніями по польскому праву не только въ самой Польшѣ, но и въ Литвѣ, на основаніи особыхъ господарскихъ пожалованій (см. объ этомъ ниже). Всякія дѣла по такимъ имѣніямъ разбирались въ литовскихъ судахъ не по мѣстнымъ, а польскимъ законамъ. Судебную практику по подобнымъ дѣламъ, какъ видно по всему, и имѣлъ въ виду Гавловицкій, при изложеніи въ своемъ сводѣ на первомъ планѣ извлеченій изъ польскихъ Статутовъ и польскихъ конституцій.

Ради тѣхъ же практическихъ цѣлей добавлялись къ Статуту новыя конституціи при послѣдующихъ его изданіяхъ. Третье польское изданіе Статута въ 1648 г. состоялось, какъ извѣстно, на основаніи сеймоваго постановленія 1647 (Vol. IV, стр. 54, § 18). Дѣло это поручено было особой комиссіи, ближайшимъ же образомъ Виленскому писарю Іозефу Піотровичу; какъ видно изъ помѣщеннаго въ предисловіи Статута обращенія Піотровича къ Владиславу IV, отъ 1-го мая 1648 г., къ старому своду конституцій были прибавлены новыя, изданныя въ промежутокъ времени отъ 1619 до 1648 г. Въ Академическомъ изданіи Статута (Виленской Академіи) 1693 г. конституціи доведены до 1690 г. Послѣднія добавленія сдѣланы были при изданіи Статута въ 1786 г.,—прибавлены „summaguszy prawa; kostytucy“ отъ 1764 до 1786 г., конституціи съ 1690 до 1764 г. остались не сведенными. Въ сенатскомъ изданіи Статута 1811 г. переведены на русскій языкъ всѣ прибавленія къ артикуламъ Статута (кромя второго) раздѣла—о земской оборонѣ, сдѣланныя въ предыдущихъ польскихъ его изданіяхъ, съ исправленіемъ датъ конституцій, также съ точнымъ указаніемъ, какія конституціи общія, какія коронныя и какія литовскія, съ выпускомъ конституцій, потерявшихъ обязательную силу, и наконецъ съ ссылками

на страницы и томы сборника Пиаровъ: *Leges, Statuta etc.*, 1732-1782 (второе издание Огрызко: *Volumina legum. Spb.* (1859—60).

Закончимъ разсмотрѣніе вопроса о литовскихъ и коронныхъ конституціяхъ дополнительной замѣткой къ тому, что сказано проф. Бершадскимъ о практиковавшихся на польскихъ сеймахъ способахъ выдѣленія конституцій литовскихъ отъ коронныхъ. По его словамъ, кромѣ точнаго поясненія въ самихъ конституціяхъ, что именно изъ принятыхъ опредѣленій относится къ Литвѣ, для избѣжанія недоразумѣній, съ 1611 г. прибѣгаютъ къ болѣе опредѣленному способу выдѣленія конституцій, имѣвшихъ обязательную силу въ Литвѣ: конституціи эти печатаются рядомъ съ коронными подъ особымъ титуломъ. Съ этого времени, вплоть до исчезновенія Речи Посполитой, сеймовыя конституціи, коронныя и литовскія, печатаются одна вслѣдъ за другой подъ самостоятельными титулами, показывающими, что однѣ дѣйствуютъ въ Польшѣ, другія въ Литвѣ (О наследованіи стр. 20). Положение это нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ. Выдѣленіе конституцій литовскихъ отъ польскихъ начинается вскорѣ послѣ Люблинской уніи. Выше мы имѣли случай указать на отдѣльныя литовскія конституціи, составленныя на сеймахъ 1578 и 1588 гг., каждый разъ подъ самостоятельными титулами (см. *Времен. Моск. Общ. ист. и др. кн.* 23, стр. 200—212, *АЗР.* IV, № 3). Отдѣльно отъ коронныхъ конституцій и также подъ особыми титулами были изданы литовскія конституціи на сеймахъ 1590 и 1607 гл. (*Vol. leg.* II, p. 316—319, 448—452). Въ послѣдующее время, до установленія въ 1661 г. точнаго порядка изданія и обнародованія сеймовыхъ постановленій, литовскія конституціи изданы отдѣльно отъ коронныхъ, съ самостоятельными титулами, лишь на 9-ти сеймахъ (1611, 1613, 1616, 1620, 1621, 1649, 1650, 1654 и 1659 гг.); на остальныхъ сеймахъ (болѣе 20-ти) конституціи излагались вмѣстѣ, безъ выдѣленія литовскихъ отъ коронныхъ. Выдѣленіе конституцій въ двѣ отдѣльныя половины, каждая съ самостоятельными титулами, становится общимъ правиломъ съ сейма 1661 г., когда, какъ мы знаемъ, признано было обязательнымъ печатаніе всѣхъ сеймовыхъ конституцій. Съ этихъ собственно поръ, какъ видно изъ *Volumina legum*, конституціи литовскія стали постоянно печататься отдѣльно отъ коронныхъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о специальныхъ источникахъ, относящихся къ вопросу о наследованіи въ выморочныхъ имуществѣхъ по литовскому праву. По мнѣнію проф. Бер-

шадсваго, этотъ вопросъ разрѣшается лишь Литовскимъ Статутомъ, а не конституціей о кадукахъ, изданной на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г. для одной Польши. Г. Птапицкій не соглашается съ этимъ мнѣніемъ и излагаетъ рядъ доводовъ, съ цѣлью доказать, что конституція 1588 г. о кадукахъ замѣнила собой положеніе Статута о выморочныхъ имуществахъ и примѣнялась въ Литвѣ уже вскорѣ послѣ изданія третьяго Статута.

Мы не беремъ на себя окончательнаго рѣшенія спорнаго вопроса и изложимъ лишь свое сильное мнѣніе, основанное на внимательномъ просмотрѣ источниковъ. Остановимся прежде всего на вопросѣ о составѣ и обязательной силѣ всѣхъ конституцій, изданныхъ на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г.

Передъ нами лежитъ первоначальное печатное изданіе этихъ конституцій: „Przywileie y constytucie seymu walnego koronaciey, krolewskiey, M. D. LXXXVIII. w Krakowie, z drukarnie Lazagzowey. Roku Pań. M. D. I,XXXVIII“¹⁾. Сюда вошли собственно коронаціонные акты 1587 и 1588 гг., а затѣмъ самыя конституціи. Раньше мы имѣли случай замѣтить, что на томъ же коронаціонномъ сеймѣ 1588 г. были составлены также литовскія конституціи, не вошедшія въ печатное изданіе конституцій этого года.

Проф. Бершадскій совершенно основательно утверждаетъ, что въ текстѣ конституцій 1588 г. находится рядъ опредѣленій, прямо противоположныхъ опредѣленіямъ Литовскаго Статута, а между тѣмъ, такія опредѣленія удерживали въ Литвѣ силу и позже. Если согласимся съ тѣмъ, что конституціи 1588 г. были обязательны и для Литвы, то становится мало понятнымъ, почему на одномъ и томъ же сеймѣ и для одного и того же народа состоялись двѣ противоположныя системы законовъ. Можно было бы ожидать, что редакторы Статута введутъ въ него измѣненія соотвѣтственно съ положеніями конституцій 1588 г. и этимъ путемъ сгладятъ противорѣчія между послѣдними и Статутомъ, согласятъ ихъ между собою. По всѣмъ видимостямъ, Статутъ и конституціи редактировались и затѣмъ были утверждены на сеймѣ 1588 г., какъ самостоятельныя права, предназначенныя именно для двухъ различныхъ народовъ.

Что касается состава конституцій 1588 г., то при самомъ тщательномъ ихъ просмотрѣ, мы могли найти между ними всего лишь двѣ статьи, которыя несомнѣнно имѣютъ общій характеръ, были обязательны для всей Речи Посполитой; таковы именно слѣдующія конституціи: 3-я: „de pactis et foederibus“ и 4-я—

¹⁾ Въ Volum. leg. помѣщено во II т., р. 246—270.

„o constitucjach seymowych“. Затѣмъ, болѣе 50-ти статей съ полною несомнѣнностью слѣдуетъ относить къ короннымъ конституціямъ. Однѣ изъ нихъ представляютъ собой развитіе, разъясненіе или отмѣну старыхъ коронныхъ статутовъ и сеймовыхъ конституцій, изданныхъ до люблинской уніи и не бывшихъ никогда обязательными для Литвы ¹⁾. Другія конституціи, по самому своему содержанию, могли относиться только къ Польшѣ ²⁾. Есть также рядъ конституцій (до 35), касающихся различныхъ польскихъ областей и городовъ ³⁾. Остается, затѣмъ, болѣе 30 конституцій безъ всякихъ оговорокъ о ихъ дѣйстви въ той или другой области Речи Посполитой. Значеніе почти всѣхъ такихъ конституцій опредѣляется довольно точно въ сводѣ конституцій во второмъ польскомъ изданіи Статута 1619 г.—Гавловицкій, авторъ этого свода (по отзыву г. Пташицкаго, „практически ознакомившійся съ дѣйствующими законами“ и дающій указанія, которыя служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, какія конституціи были въ данное время обязательны для Литвы ⁴⁾), подобралъ болѣе 30 конституцій 1588 г. и суммируетъ ихъ содержаніе въ разныхъ раздѣлахъ Статута, при чемъ нигдѣ не обмолвился ни однимъ словомъ объ обязательности ихъ для Литвы, вездѣ относитъ ихъ

¹⁾ Таковы статьи: 2, 7, 9, 15, 22, 33, 34, 58, 59, 84, 89 и 93. Въ нихъ находимъ ссылки на статуты и конституціи Яна Альбрехта и другихъ королей 1538, 1543 и другихъ годовъ первой половины XVI стол.

²⁾ Такова 2-я статья: de crimine laesae Maiestatis regiae: кромѣ ссылки на польскую конституцію 1565 г., въ ней говорится о сношеніяхъ съ „короннымъ“ непріятелемъ „ki szkodzię koroŋce“ и пр. Въ конст. 5-й говорится о „справахъ коронныхъ“. Таковы же статьи: 13, 37, 42, 44, 77, 78, 85. Такое же обозначеніе трибунала „короннымъ“, встрѣчающееся въ конституціи 1588 г. о кадукахъ, по справедливому замѣчанію проф. Бернадскаго, ясно указываетъ на примѣнность этой конституціи къ Литвѣ. Противъ этого г. Пташицкій возражаетъ, что упоминаніе о коронномъ трибуналѣ—очевидная ошибка (или описка) польскихъ писцовъ, какъ и въ конституціи 1576 г., гдѣ дважды говорится о сеймѣ вальномъ коронномъ, котораго съ 1569 г. уже не существовало. Но эта „ошибка“ воспроизводится не только въ первомъ печатномъ изданіи конституцій 1588 г., но и во всѣхъ послѣдующихъ. Будь здѣсь ошибка, она была бы поправлена при новомъ пересмотрѣ вопроса о кадукахъ на сеймѣ 1607 г. (Vol leg. II, p. 438). Столь же мало основаній считать ошибкой писцовъ упоминаніе въ конституціи 1576 г. о сеймѣ вальномъ коронномъ: ошибка эта безпрестанно повторяется въ Volum leg. на протяженіи II—V томовъ, гдѣ сеймовыя конституціи имѣютъ постоянно одинъ титулъ: „konst. seymu walnego koroŋcego“. Въ послѣдній разъ этотъ титулъ употребленъ въ конституціяхъ сейма 1673 г. (Vol. leg. V, p. 57).

³⁾ Сюда относятся слѣд. конституціи: 6, 36, 45 — 55, 62—76, 79 — 82, 86, 87, 90.

⁴⁾ Къ вопросу объ изд. Стат., стр. 39.

въ конституціямъ, дѣйствовавшимъ въ одной „Kogonie“ ¹⁾. Да и помимо такихъ ближайшихъ оговорокъ, нужно имѣть въ виду сказанное выше о составѣ конституцій, приводимыхъ въ Статутѣ 1619 г.: какъ заявляетъ самъ Гавловицкій свой сводъ конституцій, относящихся къ Литвѣ, онъ начинается съ конституцій изданныхъ на сеймѣ послѣ обнародованія Статута 1588 г.;— конституціи до этого года включительно (слѣдоват. и занимающія насъ конституціи коронаціоннаго сейма 1588 г.) касаются лишь одной Польши и вовсе не относятся къ Литвѣ.

Изложенныя соображенія даютъ, на нашъ взглядъ, достаточныя основанія считать конституцію 1588 г. о „кадукахъ“ (выморочныхъ имуществахъ) закономъ короннымъ, а не литовскимъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду спорнаго характера этой конституціи, значеніе которой различно опредѣляется въ занимающихъ насъ изслѣдованіяхъ, мы остановимся на главнѣйшихъ доводахъ, приводимыхъ за и противъ признанія упомянутой конституціи закономъ, обязательнымъ для Литвы.

По словамъ г. Птапицкаго, конституція о кадукахъ была внесена въ позднѣйшія изданія Статута и, слѣдовательно, канцлеромъ и юристами того времени считалась обязательною для Литвы ²⁾. Но все дѣло въ томъ, что именно-то юристы (въ данномъ случаѣ Гавловицкій, внесившій конституцію въ Статутъ) и считаютъ эту конституцію коронной. Въ польскомъ изданіи третьяго Статута 1619 г., въ III раздѣлѣ, при 17 артикулѣ (о наслѣдованіи вообще и въ выморочныхъ имуществахъ въ особенности) приведены (на поляхъ) законы, дѣйствовавшіе „w kogonie“, — съ единственною цѣлью показать разницу между ними и законами литовскими, изложенными въ упомянутомъ артикулѣ Статута. Къ такимъ короннымъ законамъ отнесены: статья Вислицкаго Статута 1347 г.— „de filia vivente patre donata“ ³⁾, затѣмъ, 12-я конституція 1588 г.— „o posażeniu siostr“ и 8 я конст. того же года— „o kadukach“. Въ послѣдующихъ польскихъ изданіяхъ Статута приведены позднѣйшія конституціи о выморочныхъ имуществахъ, но во всѣхъ такихъ изданіяхъ значеніе конституціи 1588 г. не измѣняется. Какъ замѣчено раньше,

¹⁾ Таковъ слѣдующій рядъ конституцій 1588 г.: 2, 7 — 26, 28 — 30, 34, 35, 37, 41, 56—58, 60, 91, 94. Ср. Стат. 1619, разд. I, арт. 2, 3, 5, 8, 15, 20, 25, 26, 30, 38 и т. д. Въ изданіи Статута 1811 г. всѣ такія конституціи носятъ общее названіе „коронныхъ“.

²⁾ Къ вопросу объ изд. Статута, 35. Ср. также вторую брошюру: Къ исторіи Литов. права, 12.

³⁾ См. Vol leg. I, p. 19. AZP. I, № 2, § 127 и 128.

въ изданіи Статута 1811 г. точно обозначено, какія конституціи имѣютъ общее значеніе, какія дѣйствуютъ въ одной коронѣ или одной Литвѣ,—конституція 1588 г. категорически названа „коронной“. Ни изъ *Volumina legum*, ни изъ свода конституцій въ разныхъ изданіяхъ Литовскаго Статута, не видно, чтобы конституція о кадукахъ когда либо законодательнымъ путемъ была распространена на Литву. Напротивъ, есть прямыя указанія на то, что въ Литвѣ до позднѣйшаго времени держался въ полномъ составѣ 17 артикулъ Статута, по возрѣнію г. Пташицкаго замѣненный (въ опредѣленіи о выморочныхъ имуществахъ) конституціей 1588 г.¹⁾ По вопросу о примѣняемости въ Литвѣ этой конституціи нужно имѣть въ виду, что, разъ допустимъ обязательность ея для Литвы, обстоятельство это никоимъ образомъ не было бы оставлено безъ вниманія позднѣйшими „юристами“, хорошо ознакомившимися съ мѣстными законами западнаго края и участвовавшими въ 30—40-хъ годахъ настоящаго столѣтія въ редактированіи свода мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній (въ 1838 г.) и законопроектовъ, обсуждавшихся (въ 1842 г.) въ Государствен. Совѣтѣ по вопросу о введеніи въ Сводъ законовъ имперіи мѣстныхъ законовъ губерній Черниговской и Полтавской. Въ обоихъ случаяхъ по вопросу о наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ имѣлся въ виду лишь 17 артикулъ III раздѣла Литовскаго Статута²⁾; причемъ не было ни малѣйшаго намека на конституцію 1588 г. Такъ какъ правила Статута о выморочныхъ имуществахъ оказывались вполнѣ сходными съ общими законами имперіи, поэтому въ положеніи свода о выморочныхъ имуществахъ и не были введены мѣстные законы губерній Чер-

¹⁾ Въ 1766 г. шляхтой Городненскаго повѣта возбуждается вопросъ объ измѣненіи 17 арт. III раздѣла Статута, такъ какъ описанное въ немъ „prawo o sukcesyach, obojętności w niektórychъ kazusachъ czyniące, aby докладniejъ udecydowane, rezelwowane, objaśnione było“ (Ак. Вил. Комм. VII, 350). Замѣчательно, что г. Пташицкій, во второй своей брошюрѣ (стр. 30), приводитъ рѣшеніе Гродненской шляхты и не видитъ, что оно не совѣмъ вяжется съ его возрѣніемъ.

²⁾ См. Полн. Собр. зак. II, № 15520. Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи 15-го апрѣля 1842 г. приводится, между прочимъ, переводъ статьи Литов. Статута о выморочныхъ имуществахъ: „Изъ сего (порядка наслѣдованія) изъемятся тѣ, кои умрутъ, не оставивъ по себѣ ни потомства, ни ближнихъ родственниковъ, ниже другихъ наслѣдниковъ, и никому не передадутъ по записи права на свои родовыя, выслуженныя или приобрѣтенныя имѣнія: ибо въ семъ случаѣ имѣнія послѣднихъ поступаютъ и будутъ поступать въ казну и къ намъ государю вел. князю и преемникумъ нашимъ вел. князьямъ Литовскимъ“ (см. *ibid.*)

ниговской и Полтавской,—на послѣднія были распространены общія законы имперіи ¹⁾).

По мнѣнію г. Иташицеаго, конституція 1588 г. о кадукахъ „являлась только объясненіемъ статьи Статута, что наследованіе вообще въ дворянскихъ имѣніяхъ въ силу Городельской уніи, которая подтверждалась и Статутомъ, было въ Литвѣ по тому же праву, что и въ Польшѣ“ ²⁾). Мы не видимъ никакой возможности согласиться съ изложеннымъ положеніемъ, и именно потому, что конституція 1588 г. о кадукахъ несомнѣнно стоитъ въ генетической связи съ старыми коронными Статутами и конституціями,—является развитіемъ началъ права не литовскаго, а исключительно польскаго. Для разъясненія этого вопроса сдѣлаемъ небольшую экскурсію по исторіи наследственнаго права въ Польшѣ и Литвѣ ³⁾).

По древнему славянскому праву моментъ выморочности наступалъ послѣ бездѣтной смерти владѣльца, его имущество считалось „задницей“, „пустымъ“, „ruściżna“, „опасно“ и пр. и отходило къ общинѣ или ея представителю—князю; позже, подѣ

¹⁾ Въ X т. Свода законовъ, въ статьяхъ о наследованіи въ линіяхъ нисходящей, боковой и восходящей въ губ. Черн. и Полтав. (ст. 113, 1143 и др.) дѣлаются ссылки на тотъ же 17 арт. III разд. Статута и на другія его положенія безъ всякихъ ограниченій въ степеняхъ родства, установленныхъ конституціей 1588 г.

²⁾ Къ вопросу объ изд. Стат., 35.

³⁾ Приведемъ главнѣйшія сочиненія по исторіи наследств. права въ Польшѣ и Литвѣ: Ch. Rosteuscher, Tractatus de successioneibus ex fontibus juris polon. pruth. culmen. 1663. — Fr. J. Jekel, Dissertationes juridicae. I, De successione ab intestato tam secundum praescripta juris polonici, maydeburgensi et culmensis, quam secundum normam successioneis novo codice civili stabilitam. 1801. — T. Czacki, O Litew. i Pol. prawach 1801; См. Dzieła Tad. Czackiego, I—II. — K. Pliszka, Rzecz o sukcesyji czyli uwagi nad prawem przyrodzonym do spadku. 1827. — Maciejowhki, Hist. prawod. Slow. 1832. — J. Hube, Wywód praw spadkowych slowianskich. 1832; нѣм. перев. — Geschichtl. Darstellung d. Erbfolgrechte d. Slaven. 1836; рус. переводъ—въ Сборн. историч. и статист. свѣдѣній о Россіи Валуева, 1845, I. — F. X. Koisiewicz, O spadkach beztestamentowych podlug praw i zwyczajów dawnych ziemskich polskich. 1842 (втор. изд. 1845). — Jaroszewicz, Obraz. Litwy. 1844 — 45. II. Бѣляевъ, О наследствѣ безъ завѣщанія etc. 1858. — O prawie lennem w Polsce. 1863. — A. Muszyński, Kilka uwag nad prawami żen w upadłościach. 1868. — H. Wielowiejski, O posiadaniu z samego prawa w spadkach lub zapisach 1869. — K. Gostomski, O powrotach spadkowych. 1874. — Dr. P. Burzyński, O prawie bliższości w dawnej Polsce (Rozprawę z posiadzień Wyzdiale Akad. Krak. 1877, VI). — М. Владимірскій-Будановъ, Помѣстія Литов. государства (Чтен. въ истор. об. Нестора 1890, IV, и отд. 1890). — И. Линниченко, Юрид. формы шляхетскаго землевладѣнія и судьба древ.-рус.-боярства XIV—XV в. (Юрид. Вѣст. 1872, іюл. авг.).

давленіемъ тенденцій правящихъ классовъ (племичей, властелей, пановъ, шляхты), выморочное право отходить отъ общины или князя къ „племени“ (ближикамъ или близкимъ, *cognati*, вообще въ боковыя линіи) и только за престѣпеніемъ послѣдняго восстанавливается старое общинное или княжеское право выморочности¹⁾. Въ силу такихъ же шляхетскихъ тенденцій право выморочности въ старой Польшѣ рано отходить отъ князя къ „племени“, сперва лишь въ отношеніи къ „маетностямъ“ шляхты (*powiles*), а затѣмъ и другихъ сословій. По Вислицкому Статуту 1347 г., къ наслѣдству въ шляхетскихъ имѣніяхъ призываются „братья роженная“, а если ихъ не будетъ въ живыхъ, то „братья стрыечные“ и вообще „близшее племя“. Древнее начало выморочности въ пользу князя послѣ бездѣтной смерти владѣльца удерживалось въ польскомъ правѣ до Вислицкаго Статута лишь въ быту сельскихъ и городскихъ жителей; Вислицкій Статутъ распространилъ и на нихъ право наслѣдованія „племени“, „близнихъ и пріятелей“. Имущество становится по Вислицкому Статуту „пустовщиной“ (*puściźna*), когда нѣтъ „племени“, и отходить въ казну по старому княжескому праву²⁾. Первыя начала новой постановки вопроса о наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по польскому праву полагаются при Сигизмундѣ - Августѣ. На Петроковскомъ сеймѣ 1562 г. была издана конституція, подъ заглавіемъ: „*Dobra na króla J. Mści przymradaiące*“, въ силу которой всякія имѣнія, переходящія по „праву посполитому“ къ королю, вслѣдствіе ли неисполненія владѣльцами военной службы (неявки на войну), или же *jure caduco*, также даренія или иному акту или случаю, раздаются королемъ „*wedle woli*“, но только полякамъ шляхетскаго сословія, „*dla nieumnieyszenia służby woienney*“ (Vol. leg. II р. 19, § 52). Въ этой конституціи ясно сказывается тенденція польскаго шляхетства удержать въ своемъ владѣніи вымороч-

¹⁾ Княжеское право выморочности послѣ бездѣтной смерти владѣльца известно Рус. Правдѣ и Винодольскому закону. Переходъ къ „племени“ наслѣдства на выморочномъ правѣ составляетъ институтъ древняго права Загребскаго, Сербскаго, Черногорскаго и другихъ южно-славянск. земель. По древнему чешскому праву имущество, въ качествѣ выморочнаго, отходить къ князю, когда нѣтъ въ живыхъ „племени“ въ нисходящей и боковой линіяхъ. См. мое изслѣд.—Древн. Хорв. далм. законод., 25, 55 и пр. Мадѣвскаго, Hist. prawod. V, 130. Ср. также Губе, Буржинскаго и др.

²⁾ См. АЗР. I, № 3 (§§ 54, 111, 128). Vol. leg., I, р. 11, 17, 19. — Вопросы о правѣ выморочности касаются другіе польскіе Статуты, напр., Казиміра-Ягеллона III, 1447 г.—„*De prole relicta post mortem parentum*“ (см. Vol. leg. I, р. 68) и др.

ныя имѣнія, переходившія по старому польскому праву въ составъ королевскихъ (столовыхъ) имѣній. Тенденція эта еще рѣзче формулируется при Стефанѣ Баторіѣ, на коронаціонномъ сеймѣ 1576 г., когда (въ поясненіе и развитіе конституціи 1562 г.) была издана конституція: „o dobrach juris caduci у wakancуach“. Здѣсь сеймъ уже вмѣняетъ королю въ *обязанность* раздавать шляхетскія выморочныя имѣнія шляхтѣ же (nobilibus utriusque gentis, bene meritis*), — въ „волѣ“ короля оставлены одни кадуки послѣ мѣщанъ (Vol. leg. II, p. 163, § 3). Дальнѣйшимъ развитіемъ и разъясненіемъ этой-то послѣдней конституціи¹⁾ и служить конституція о кадукахъ, изданная на коронаціонномъ сеймѣ 1588 г.²⁾ Въ ней сказывается новая тенденція польскаго (рядоваго) шляхетства, — тенденція (если такъ можно выразиться) нивелированія шляхетскихъ родовыхъ вотчинъ (въ особенности крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ — пановъ и магнатовъ), возможно широкаго распредѣленія ихъ въ качествѣ кадуковъ между рядовой шляхтой, количественно преобладавшей на польскихъ сеймахъ. Подъ давленіемъ такой тенденціи ограничиваются наслѣдственныя права вотчинниковъ, при отсутствіи наслѣдниковъ въ восьмой степени родства по обѣимъ линіямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ самая раздача выморочныхъ имѣній подчинена рассмотрѣнію сейма, т.-е. той же самой шляхты. „Воля“, предоставленная королю предыдущей конституціей по распоряженію кадуками послѣ мѣщанъ, въ свою очередь ограничивается конституціей 1588 г., подчинившей дѣла о нихъ рассмотрѣнію короля съ паны-радами. Наконецъ, по той же конституціи, въ имѣніяхъ (городахъ и селахъ) шляхетскихъ, духовныхъ и свѣтскихъ, всякаго рода кадуки послѣ людей владѣльческихъ („rodzanуch“) переходятъ исключительно къ ихъ владѣльцамъ, т.-е. опять-таки къ тому же классу поземельнаго шляхетства.

На иныхъ основаніяхъ установился институтъ выморочности въ литовскомъ правѣ. Сохранились документальныя извѣстія, что въ собственной Литвѣ практиковалось изстари то же самое jus caducum князей послѣ бездѣтно-умершихъ владѣльцевъ (см. наприм. Scarb. p. 74), которое, какъ извѣстно, имѣло всеобщее примѣненіе на Руси въ эпоху Русской Правды, въ томъ числѣ

¹⁾ А. не 17 артик. III раздѣла Лит. Статута, какъ увѣряетъ г. Пташицкій, — см. Къ ист. изд. Стат., 21.

²⁾ Конституція 1588 г. прямо начинается ссылкой на конституцію 1576 г.: „Konstitutia na coronacieу Króla Stephana przodka naszego sławney pamięci, o rozdawaniu dobr jure caduco, inscripto, donato seu alio quocunque modo et ratione, ad fiscum nostrum Regium, juste et legitime przypadłych“ etc.

и въ западно-русскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ вел. княжества Литовскаго. Это право выморочности удерживалось за литовскими господами до первой уніи Литвы съ Польшей въ концѣ XIV стол. Земскими (шляхетскими) привилеями 1387 и 1413 гг. княжеское *jus caducum* было уступлено шляхтѣ (*armitigeris sive bojaris*), принявшей католичество и приписанной къ польскимъ гербамъ: послѣ бездѣтной смерти владѣльцевъ имѣнія отходятъ не къ князю (какъ этого требовало старое литовское право), но къ ближнимъ (*proximiores*), вмѣстѣ съ отѣнной старыхъ ограниченій въ вотчинныхъ правахъ, возникавшихъ изъ служебно-помѣстныхъ отношеній владѣльцевъ земскихъ имѣній (см. проф. Владимірскаго-Буданова: „Помѣстья въ Литовскомъ государствѣ“). Въ этомъ случаѣ литовскіе паны, по своимъ вотчиннымъ и наслѣдственнымъ правамъ, сравнивались съ польскими *barones* и *nobiles*, какъ объ этомъ и говорится въ обоихъ привилеяхъ; самая же система наслѣдованія имущества по „близкости“ развивалась въ Польшѣ и Литвѣ вполне самостоятельно до и послѣ Городельской уніи. Послѣдующимъ земскимъ привилеемъ 1457 г. тѣ же права близкости были распространены на всю литовско-русскую шляхту, безъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ различій¹⁾. Положенія земскихъ привилеевъ о наслѣдованіи въ шляхетскихъ имѣніяхъ, вмѣстѣ съ „стародавними“ обычаями и легли въ основу статутныхъ постановленій о наслѣдованіи по праву близкости и праву выморочности въ шляхетскихъ имѣніяхъ. Постановленія эти, окончательно сформулированныя въ 17 артикулѣ III раздѣла Статута 1588 г., входятъ въ составъ раздѣла „о шляхетскихъ вольностяхъ“ и потому съ полною несомнѣнностью относятся исключительно къ шляхетскимъ имѣніямъ. Рядомъ съ статутными положеніями о наслѣдованіи практиковались въ отдѣльныхъ русско-литовскихъ областяхъ мѣстныя начала права. Въ областныхъ уставахъ земель Киевской, Полоцкой, Жмудской и другихъ излагаются мѣстныя начала наслѣдованія, въ силу которыхъ послѣ бездѣтной смерти владѣльца къ наслѣдству призывается „племя“ или „близкіе“ (*proximiores*). Въ тѣхъ же мѣстныхъ уставахъ находимъ положенія, касающіяся вопроса о наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ: „а будетъ пустой человекъ, ни дѣтей, ни племени: ино на насъ (господаря) то имѣнье“. Формула эта, категорически выраженная въ уставахъ Киевской земли 1507 и 1529 г., имѣла общее примѣненіе и въ

¹⁾ Zbiór pr. lit. p. 1, 7, 28. Vol. leg. I, 29. AZP. I, № 61. Cp. Dzieta Tad. Czackiego, I, p. 81, 279; II, 10—18. Jaroszewicz. Obraz Litwy, I, 126, 151; II, 65. Бѣляева, О наслѣдствѣ безъ завѣщанія и др.

другихъ русско-литовскихъ областяхъ, жившихъ, какъ мы видѣли, по своимъ мѣстнымъ уставамъ и обычаямъ до и послѣ Статутовъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ старія кривичскія земли—Витебская, Полоцкая и Смоленская: въ дававшихся этимъ землямъ областныхъ привилеяхъ литовскіе господа категорически отказываются отъ принадлежавшаго имъ *jus caducum*, обязываются „въ безадщины и въ отумерщины не вступатися“¹⁾,—въ пользу кого отказываются—неясно, нужно полагать—въ пользу общины или класса (наприм., шляхты), къ которому, по своему происхожденію или общественному положенію, принадлежалъ умершій безъ роду-племени. Въ данномъ случаѣ мѣстное право сѣверо-восточныхъ областей литовскаго княжества на нѣсколько десятковъ лѣтъ опередило польскія конституціи 1562, 1576 и 1588 гг. по вопросу о судьбѣ выморочныхъ имуществъ.

Въ 17 артикулѣ III раздѣла Литовскаго Статута рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о наслѣдованіи въ старинныхъ родовыхъ имѣніяхъ русско-литовской шляхты¹⁾. Статутовыя положенія гарантируютъ неприкосновенность права „близкости“, пока находятся въ наличности „близкіе, потомки, щадки и наслѣдки“. Здѣсь формулированы общія начала, коренящіяся въ „стародавнихъ обычаяхъ“. Указанія на такія начала встрѣчаемъ въ источникахъ еще до изданія Статута. Такимъ образомъ, въ одномъ актѣ 1527 г. Сигизмундъ I говоритъ: „намъ нельзе никого отъ именей (отчизны и купли) близкостей отдаляти“; если такія имѣнія и давались господами стороннимъ лицамъ, то лишь на время, „поки близкии ся выщутъ“ (*Arch. Sangusz. III, № 327*). Тѣ же самыя начала несомнѣнно удерживали силу и послѣ Статута 1588 г. Потомки старыхъ удѣльныхъ князей Литвы, владѣвшіе своими „отчизнами“ не по пожалованію литовскихъ государей, а по праву близости, доставшемуся отъ отцовъ и дѣдовъ, не только въ XVII и XVIII, но и въ текущемъ столѣтіи, удержи-

¹⁾ Такія положенія находимъ въ уставахъ Витебскомъ 1503, Смоленскомъ 1505 и Полоцкомъ 1511. См. Ясинскаго Уст. зем. грамоты, 172, 173. О наслѣдованіи правомъ близости и выморочности по областнымъ привилеямъ см. *ibid*, стр. 167—173.

²⁾ Въ этомъ артикулѣ, правда, упоминаются кромѣ отчизнъ и материзнъ, также „выслуги“ и „право выслужное“; но здѣсь разумѣются лишь такія выслуги, которыя поступали во владѣніе собственно на такомъ же „правѣ прирожономъ“, какъ и отчизны и материзны, т.-е. безъ всякихъ ограниченій въ степеняхъ „рожал“. Разъ въ привилеяхъ на выслуги заключались какія-либо ограниченія въ этомъ отношеніи, и права „близкости“ опредѣлялись положеніями привилеевъ, а не Статута (см. ниже о выморочности въ данинахъ и выслугахъ).

вали и удерживаютъ въ своемъ „родѣ“ старинныя владѣнія, не смотря на то, что владѣнія эти проходили чрезъ руки не восьми поколѣній (норма права близости по конституціи 1588 г. о кадукахъ), но вдвое, втрое больше степеней; имущества эти никогда не считались выморочными, постоянно оставались во владѣніи потомковъ старыхъ княжескихъ родовъ. Таковы роды князей Кульвечовыхъ — потомковъ старыхъ литовскихъ князей Гедройскихъ; таковъ же старинный родъ Радзивилловъ, потомковъ давнихъ литовскихъ князей Биржанскихъ и т. д. ¹⁾ Въ сводѣ Бонецкаго (*Poczet rodow w W. X. Lit.*, 1887) находимъ рядъ любопытныхъ данныхъ (извлеченныхъ главнымъ образомъ изъ литовской метрики) о наслѣдованіи въ родовыхъ имуществахъ старинныхъ литовскихъ князей и пановъ, и именно по началамъ Литовскаго Статута, а не конституціи 1588 г. о кадукахъ.

Иначе стоялъ вопросъ о выморочности въ „данинахъ“ и „выслугахъ“. По изстаринному воззрѣнію, данина не наслѣдуется по „близости“, но находится „въ воли“ господаря. Въ актѣ 1484 г. Казиміръ говоритъ: „што будетъ въ имѣньяхъ нашоѣ данины, въ томъ ся намъ воля“ (АЗР. I, № 85). Точно также Сигизмундъ I, какъ замѣчено раньше, не признававшій за собой права „отдалять близкостей“ въ отчизнахъ и купленинахъ, говорить о выслугахъ: „то будетъ въ нашей воли“ (Arch. Sangusz. III, № 327). Изъ актовъ о выслугахъ и данинахъ видно, что моментъ выморочности опредѣлялся всегда въ самихъ актахъ пожалованія имѣній, — „до живота“, „двухъ животовъ“ (или поколѣній) и т. д. ²⁾; во всѣхъ такихъ случаяхъ имущество считалось выморочнымъ и отходило къ господарю по смерти лицъ, „до живота“ которыхъ была пожалована данина. Наиболье обычной формой выслугъ, близко подходившихъ къ пожалованіямъ въ вотчину, было пожалованіе выслугъ данному лицу съ дѣтьми, потомками и счадками „мужского рожая“ („мужского стану“ или „племени“), съ тѣмъ, что по прекращеніи мужскихъ линій (по мечу) пожалованное имѣніе становится выморочнымъ, отходить къ господарю. На такомъ основаніи въ 1548 г. дано было имѣніе землянину Клепацкому, какъ „и первой сего отъ насъ господаря было держано“, т.-е. ему, женѣ и дѣтямъ „муского рожая“ (АЮЗР. I, № 117). Въ 1572 г. даны „мѣстца пустыя“ землянину Мазепѣ съ женой, дѣтьми и „потомками его мужского стану“

¹⁾ О князьяхъ Кульвечовыхъ и Радзивиллахъ см. мои „Очерки исторіи лит. права“ въ Журн. Мин. пр. 1893, мартъ, стр. 108, 110.

²⁾ См. АЗР. I, № 57, 93, 116 и др. АЮЗР. I, № 49. Arch. Sangusz. III № 15, 248; IV, 251.

(ib. № 166; стр. также №№ 42 и 57). Въ предѣлахъ того же мужского „рожая“, или „стана“ давались пожалованія и потомкамъ старыхъ удѣльныхъ князей — Мстиславскихъ, Кобринскихъ и др ¹⁾.

Считаемъ нужнымъ остановиться здѣсь на частномъ случаѣ выморочности имѣній въ родѣ князей Кобринскихъ, въ виду того, что случай этотъ послужилъ поводомъ для г. Пташицеаго высказать слѣдующее, совершенно ошибочное положеніе: „Четвертую степень (родства) мы находимъ въ литовскомъ обычномъ правѣ, и изъ него она попала въ конституцію (1588 г. о вадукахъ), и сама конституція, весьма возможно, могла явиться вслѣдствіе предложеній со стороны литовцевъ“ („Къ истор. лит. права“, 22). Въ дѣйствительности дѣло состояло въ слѣдующемъ. Привилеемъ 1404 г. Витовтъ пожаловалъ своему „сыновцу“ князю Роману данину — Кобринъ, Грушевую и другія владѣнія въ Подляхїи и на Волини ²⁾. Пожалованіе это дано было съ установленіемъ права „близкости“ только въ мужскихъ поколѣніяхъ, и потому, когда съ смертью (около 1490 г.) Кобринскаго князя Ивана Семеновича прекратилось мужское поколѣніе Кобринскихъ князей, ихъ владѣнія сдѣлались господарскою выморочностью. Имѣнія бывшихъ князей Кобринскихъ были оставлены вел. княземъ Александромъ во владѣніи жены умершаго князя Ѳедоры-Софіи, а затѣмъ, послѣ ея смерти, были пожалованы княгинѣ Аннѣ, сестрѣ умершаго князя, бывшей замужемъ за маршаломъ Костевичемъ. Имѣнія эти перешли къ княгинѣ Ѳедорѣ, какъ господарскій спадокъ, — „вѣчно (т.-е. на „вѣкъ“—до смерти) *отдаляючи отъ близкихъ*“ (по женской линїи) ³⁾. По смерти княг. Анны (въ 1517 г.) Кобринская волость, на основанїи привилеевъ Сигизмунда I, была пожалована, также въ качествѣ доживотья, маршалу Костевичу, съ тѣмъ, что, послѣ его смерти, Кобринскія имѣнія должны перейти во владѣніе королевы Боны ⁴⁾. Въ это-то время князья Сангушковици, родственники Кобринскихъ князей въ женскомъ поколѣніи, настойчиво заявляютъ свои притязанія на владѣніе Кобринскими имѣніями по праву „близкости“ ⁵⁾. Въ

¹⁾ О Мстиславскихъ князьяхъ см. мои „Очерки исторїи Лит. права“ — въ Жур. Мин. Просв. 1893, іюль, 149—150; о кн. Кобринскихъ—*ibid.* мартъ, 130—132.

²⁾ См. мои „Очерки ист. рус. пр.“—въ Жур. Нар. Просв. 1893, марта, 128.

³⁾ Здѣсь имѣлись въ виду князья Сангушковици, состоявшіе съ князьями Кобринскими въ родствѣ по женской линїи.

⁴⁾ См. *ibid.* стр. 130—132.

⁵⁾ Сангушковици и раньше, еще при жизни княгини Ѳедоры, въ концѣ XV ст., заявляли свои притязанія на владѣніе Кобриномъ; въ виду этого въ

виду приведенныхъ выше актовъ (1490—1497 г), въ силу которыхъ Кобринскія имѣнія, въ качествѣ выморочнаго владѣнія господара, были „отдалены“ отъ „близкихъ“ (по женской линіи) рода бывшихъ князей Кобринскихъ, господарская рада, окончательно разсматривавшая въ 1528 г. притязанія Сангушевичей, не признала ихъ, какъ „близкихъ княгинь“ (т.-е. по женской, а не мужской линіи), законными наследниками князей Кобринскихъ и потому имѣнія послѣднихъ, въ качествѣ выморочныхъ, остались во владѣніи королевы Боны. Мотивировка этого-то рѣшенія пановъ-рады („князи Сангушевичи, будучи съ тѣми князьями въ четвертомъ поколѣніи, и овшемъ къ тѣмъ именамъ некоторое близкости не мають“) совершенно ошибочно понята г. Пташицеимъ, именно въ смыслѣ указанія на наследованіе въ боковыхъ линіяхъ до 4-й степени по литовскому обычному праву ¹⁾. Между тѣмъ, изъ хода всего дѣла о выморочности Кобринскихъ владѣній видно, что въ 1528 г. рада руководилась въ своемъ рѣшеніи по данному дѣлу не положеніемъ обычнаго права, въ дѣйствительности никогда не существовавшимъ, но лишь индивидуальными основаніями правъ на владѣніе Кобринскими имѣніями, — основаніями, въ силу которыхъ князья Кобринскіе со временъ Витовта владѣли „даниной“, подъ условіемъ принадлежности ихъ не къ женскому, а исключительно къ мужскому „рожаю“, или „поколѣнію“, по выраженію современныхъ памятниковъ.

Изложенныя начала выморочности въ господарскихъ данинахъ и выслугахъ, дѣйствовавшія въ до-статутное время, находили полное примѣненіе и послѣ изданія въ 1588 г. Статута и конституціи о кадукахъ. Въ 1589 г. король пожаловалъ имѣніе пану Войнѣ съ дѣтьми, потомками и щадками „мужчизного рожаю“ — „на вѣчность, повуль мужьцького рожаю потомковъ его милости ставати будеть; а гдѣ бы се вже потомки мужьцького рожаю звели, инотые добра на насъ и на потомки наши, короли польскіе и великіе князи литовскіе, спадати мають“ ²⁾. Въ этомъ привилеѣ излагается для даннаго случая таковой же точно частный законъ объ условіяхъ выморочности пожалованнаго имѣнія, какъ и въ былое время, при Витовтѣ и другихъ литовскихъ господаряхъ, предоставлявшихъ свои данины и выслуги Мстиславскимъ, Кобринскимъ и другимъ литовскимъ князьямъ и панамъ до пре-

1497 г. состоялся привилей короля съ подтвержденіемъ за княгиней Ѳеодорой права на владѣніе Кобринскими имѣніями (см. Жур. Мин. Просв. 1893, марта, 131).

¹⁾ Пташицеаго „къ исторіи Лит. пр.“, 22.

²⁾ АЮЗР. I, № 192.

свѣченія мужскихъ линій. Въ привилеѣ 1589 г. нѣтъ и намека на тѣ ограниченія въ степеняхъ родства, какія были установлены въ 1588 г. конституціей о кадукахъ. По смыслу привилея, имущество не признается выморочнымъ, пока вовсе не пресѣчется весь „мужской рожай“, т.-е. и „при отсутствіи наслѣдниковъ въ восьмой степени“. Изложенный привилея, такимъ образомъ, даетъ категорическій отвѣтъ на смѣлое требованіе, обращенное г. Пташицкимъ къ отвергающимъ, по его выраженію, примѣняемость въ Литвѣ конституціи о кадукахъ, — требованіе представить доказательства, что „государственною и судебною властью въ Литвѣ имущество не признавалось выморочнымъ, при отсутствіи наслѣдниковъ восьмой степени“ ¹⁾.

Затѣмъ, въ актахъ можно также выслѣдить рядъ иныхъ данныхъ, которыя дадутъ намъ возможность отвѣтить и на другое, еще болѣе смѣлое требованіе г. Пташицеаго—представить документальное доказательство, что „выморочныя имущества, по смыслу 17 арт. III разд. Статута, поступали въ полную государственную собственность и не подлежали раздачѣ“ ²⁾. Замѣтимъ прежде всего, что постановка *такого* вопроса показываетъ, что г. Пташицкій вообще не точно формулируетъ статутовыя постановленія. Изъ его словъ выходитъ, что Статутъ будто бы вовсе не допускалъ раздачи выморочныхъ имуществъ—неотъемлемой и неотчуждаемой принадлежности фиска, полной собственности государства. Положеніе это мы относимъ къ длинному ряду произвольныхъ фижцій, созданныхъ нашимъ авторомъ именно вслѣдствіе не совсѣмъ достаточнаго знакомства его съ источниками. Мы имѣемъ основаніе полагать, что по Статуту, какъ и по конституціи о кадукахъ, выморочныя имущества не считались полною собственностью фиска, и въ одинаковой мѣрѣ подлежали раздачѣ. Въ данномъ случаѣ разница между Статутомъ и конституціей высказывалась въ основаніяхъ, цѣляхъ и способахъ раздачи выморочныхъ имуществъ. По статуту и вообще литовскому праву такія имущества, подъ именемъ „спадковъ“ ³⁾, или „спадковыхъ имѣній“ литовскихъ господарей, относились исключительно къ столовымъ имѣніямъ, королевщинамъ, т.-е. къ имуществамъ, принадлежавшимъ лично господарямъ литовскимъ, и потому раздача ихъ до и послѣ Статута, очень долго зависѣла лишь отъ одной господарской воли и щедрости, „волного шафунку“,

¹⁾ Къ Исторіи Лит. пр., 21.

²⁾ Ibid.. стр. 21.

³⁾ „Спадовъ“ — буквальный переводъ *caducum* римскаго права.

(„ласки“, „щодробливости“) и притомъ всегда на нужды государства. По конституціи же о вадукахъ послѣдніе считались шляхетскими, предназначались для шляхетскихъ же нуждъ, и потому подлежали раздачѣ по „волѣ“ и „шафунку“ не короля, а шляхетскаго же сейма. Положенія эти документально подтверждаются показаніями источниковъ.

Дѣйствительно, въ Статутѣ и другихъ источникахъ находимъ категорическія указанія на раздачу—„данину“, съ „ласки и щодробливости“ короля, „спадковъ“ или господарскихъ „спадковыхъ имѣній“¹⁾, съ единственнымъ ограниченіемъ—не давать „круптовъ“, какъ и всякихъ достоинствъ и вядовъ, „чужеземцамъ и заграничникамъ, а ни суседомъ“ государства, вообще лицамъ „общога народу“²⁾. Въ Статутѣ записаны старыя обычныя начала, въ силу которыхъ издавна въ литовскомъ княжествѣ практиковалась раздача выморочныхъ имуществъ. Въ извѣстныхъ намъ актахъ стараго времени (съ половины XV ст.) встрѣчаемъ частыя указанія на раздачу выморочныхъ имуществъ—„спадковъ“, „отъ умерлыхъ речей“³⁾, „пустошей“ или „пустыхъ“ земель, дворовъ и пр., оставшихся послѣ безпотомно-умершихъ (безъ „потомковъ“, „наслѣдковъ“ и пр.) отичей, какъ и послѣ лицъ, которыя „с тое земли прочъ зышли, оставили впусѣ“, — ушли въ другую землю и т. п.⁴⁾ Имущества „спадлыя“ на господаря, приписываются къ его „столу“, или „столовымъ“ имѣніямъ, также къ „замковымъ“ владѣніямъ, находятся „въ вольномъ шафунку“ господаря, мѣстныхъ старостъ и воеводъ, распоряжающихся отъ имени и согласія господаря раздачей спадковъ, пустошей и „отъ умерлыхъ“ имуществъ. Раздача ихъ разнымъ лицамъ мотивируется

¹⁾ Такія указанія находимъ въ слѣдующемъ положеніи 5-го арт. III разд. Статута 1588 г.: „Ведже кому быхмо дали и з ласки наши давати хотели родичомъ великаго князства *имѣнья наши спадковы* и въ нихъ бояре, хотя бы и шляхта была, а именьца свои здавна и ново тежъ через данину оныхъ пановъ, *по комъ на насъ господаря, тые спадки пришли*, мелн и имъ служили, а листы и подтверженнымъ нашимъ не вызволенн, въ томъ моцы рубъ и *щодробливости наше* и *потомковъ нашихъ* не замыкаемъ, ведже въ моцы своей маючи“.

²⁾ Ст. 1588, разд. II, арт. 12.

³⁾ Арх. ЮЗР. ч. V, т. I, № 6.

⁴⁾ Arch. Sangasz. III, № 248; IV, № 237. Къ имуществамъ, „спадавшимъ“ на господаря, относятся также по актамъ имѣнія „зрадцевъ“, измѣнниковъ. См. *ibid.* III, № 103. Ср. также уставъ 1509 г. о зрадцахъ и „спадкѣ“ ихъ имѣній“ на господаря (АЗР. II, № 50), и постановленія о томъ же въ Статутѣ 1588 г. (разд. I, арт. 3—7, — на господаря „спадаютъ“ имѣнія зрадцевъ „отчизныя, выслужоныя и набытыя“, матеріятыя имѣнія подлежатъ „прирожному“ праву наслѣдниковъ).

обыкновенно тѣмъ, что „тыя земли пустыя лежать, а службы намъ с нихъ нѣкоторое нѣтъ“, — „тая земля впустѣ лежитъ, а пожитку и службы въ нее намъ Господару и Речи Посполитое нѣкоторое не машъ“ и т. п. „Воля“ господаря по распоряженію выморочными имуществами и раздачѣ ихъ ради „пожитковъ и службы“ является въ источникахъ обычнымъ правиломъ. Въ одномъ актѣ 1510 г. Сигизмундъ I даетъ, наприм., такую формулу этого правила: имѣніе, спавшее на господаря послѣ безпотомно-умершихъ, „въ нашой воли, кому хотѣли, тому быхмо отдали“¹⁾. На такихъ же точно основаніяхъ раздаются выморочныя имущества и послѣ третьяго Статута. Для примѣра укажемъ на упомянутый выше привилей 1589 г. Изъ него видно, что, по смерти князя Крупскаго „безъ пристойнаго потомка“, его имѣнія, въ качествѣ выморочныхъ, отошли на господаря: „право ему (Крупскому) наданое устало, и тыя села, яко добра намъ господару належачыя, на насъ и до вольнаго шафунку нашого пришли, яко спадокъ нашъ власный“. Какъ мы уже знаемъ, этотъ господарный спадокъ былъ пожалованъ королемъ пану Войнѣ и его „мужыцкому рожаю“, съ точнымъ опредѣленіемъ момента наступленія господарскаго выморочнаго права, именно послѣ полнаго прекращенія „мужскаго рожая“ въ родѣ пановъ Войновъ²⁾; безъ малѣйшаго намека на ограниченіе правъ „близкости“ восьмой степенью родства, какъ это установлено конституціей 1588 г. о кадукахъ. Привилей 1589 г., такимъ образомъ, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того, что конституція о кадукахъ не примѣнялась въ Литвѣ въ качествѣ общаго закона по вопросу о выморочныхъ имуществахъ и, слѣдовательно, не могла замѣнять собой статутныхъ постановленій о спадкахъ.

Настаивая на примѣненіи въ Литвѣ конституціи о кадукахъ, г. Пташицкій касается вопроса о происхожденіи техническихъ терминовъ — кадукъ, право кадуковое и т. п., и требуетъ отъ отвергающихъ примѣненіе въ Литвѣ упомянутой конституціи „документальнаго доказательства, что литовская администрація и судебная практика узнала латино-польскій терминъ — кадукъ, право кадуковое, и т. п. изъ литовскаго законодательства“. Въ свою очередь, мы предлагаемъ г. Пташицкому представить документальное доказательство, что польская, а за ней и литовская администрація и судебная практика узнали тотъ же терминъ не изъ

¹⁾ Arch. Sangusk. III, № 103. О раздачѣ выморочныхъ имуществъ до Статута. См. *ibid.* I, № 129, III, 5, 53, 224, 248, IV, 237, 251. АЗР. I, № 9, 70, 93, 108, 142, 145, 151 и др. АЮЗР. I, № 57, 166, 182 и пр.

²⁾ АЮЗР, I, № 192.

какого другого источника, а непременно из польскаго законодательства, какъ думаетъ повидимому г. Пташицкій. Вѣдь всякому, кто сколько-нибудь солидно прошелъ научную школу юридическихъ факультетовъ и знакомъ съ системой римскаго наследственнаго права, должна быть извѣстна собственно азбучная мысль о томъ, что такіе институты, какъ *caducum* и *bona vacantia* (оба термина употребляются въ конституціяхъ польско-литовскихъ сеймовъ) составляютъ національный продуктъ римскаго права¹⁾, вошедшій затѣмъ во всеобщую практику на всемъ средне-вѣковомъ западѣ, гдѣ только дѣйствовало римское право. Изъ этого же первоисточника могли усвоить римскіе правовые термины и старыя западно-славянскіе законодатели и юристы, а въ томъ числѣ, конечно, и польскіе. Почему г. Пташицкій полагаетъ, что литовскіе администраторы и судьи узнавали о кадукахъ непременно изъ права польскаго,—не правильнѣе ли будетъ полагать, что литовскіе юристы, законодатели и судьи почерпали свои юридическія познанія изъ тѣхъ же римскихъ первоисточниковъ, помимо всякаго знакомства съ источниками польскими? Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что тутъ же у себя дома, въ главныхъ городскихъ центрахъ, судебная практика находилась въ такихъ условіяхъ, что по необходимости требовала отъ мѣстныхъ юристовъ знанія основныхъ институтовъ римскаго права. Извѣстно, что съ конца XIV стол. въ главныхъ городахъ Литовскаго княжества дѣйствовало въ городскихъ судахъ и администраціи магдебургское право (съ его разновидностью—правомъ хелмскимъ или хелминскимъ), вполнѣ усвоенное римскіе институты, въ томъ числѣ и *caducum*, *vacua* (*vacantia*) и пр.²⁾ Юристы, участвовавшіе въ администраціи и судахъ городскихъ, обязательно должны были знать римскіе источники, лежавшіе въ основѣ права магдебургскаго; эти же городскіе юристы могли съ первыхъ же поръ прививать и въ общихъ судахъ Литвы римскія правовыя понятія и институты. Въ числѣ лицъ, призванныхъ въ 1569 г., по конституціи Люблинскаго сейма, къ участию въ „поправѣ“ Литовскаго Статута, упоминается господарскій секретарь — докторъ (конечно—*utriusque juris*) Августинъ, *войтъ Виленскій* (Vol. leg. II, стр. 100). Точно также изданіе Статута въ 1648 г. со сводомъ сеймовыхъ конституцій, какъ мы знаемъ, было поручено

¹⁾ См. Iustiniani Codex—6, 10, 51 или Digesta—28, 49, Instit. Gaii II, 206, 207 и пр.

²⁾ N. Jaskerus, Juris municipalis Maideburg. Liber vulgo Weichbild nuncup. 1535, art. 59. P. Kuszewicz z Chelмна, Prawa Chelmieńskiego Xiąg. pięcioro 1623, p. 83 и др.

писарю городскому Виленскому Иосифу Шотровичу. Затѣмъ, съ полной несомнѣнностью можно полагать, что та пестрая и нескладная номенклатура римскихъ терминовъ, какими переполнены акты законодательной и судебно-административной практики Литвы и Польши XVI и слѣдующихъ столѣтій, была нагляднымъ результатомъ близкаго знакомства мѣстныхъ юристовъ съ римской юриспруденціей того времени. Выдающуюся роль въ этомъ дѣлѣ должны были играть прежде всего городскіе практики-юристы, обязательно изучавшіе вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ его первоисточникъ — право римское.

Мы разсмотрѣли, можно сказать, съ полной пунктуальностію всѣ главныя доводы, предложенные г. Пташицкимъ, на основаніи данныхъ законодательной практики Литвы и Польши, въ защиту мнѣнія объ обязательности въ Литвѣ конституціи 1588 г. о кадукахъ. Въ конечномъ результатѣ мы приходимъ къ тому заключенію, что нельзя согласиться ни съ однимъ изъ доводовъ г. Пташицкаго. Прежде чѣмъ перейти затѣмъ къ оцннѣнъ данныхъ, взятыхъ г. Пташицкимъ изъ актовъ судебной практики Литвы, остановимся на вопросѣ о томъ, какъ могла относиться литовская шляхта къ занимающей насъ конституціи, несомнѣнно близко соприкасавшейся съ сословными интересами послѣдней. Разъясненіе этого вопроса дастъ намъ, хотя отчасти, возможность разбраться и надлежащимъ образомъ оцннѣнъ собранныя г. Пташицкимъ данныя судебной практики, по его мнѣнію, неопровержимо доказывающія справедливость его мысли о юридической обязательности въ Литвѣ спорной конституціи.

Конституція о кадукахъ, какъ мы видѣли, развившаяся на почвѣ извѣстныхъ тенденцій польской поземельной шляхты, несомнѣнно должна была пользоваться полной симпатіей и со стороны шляхты литовской, въ особенности рядовой, владѣвшей мелкими отчинами и выслугами и стремившейся расширить ихъ путемъ добыванія выморочностей. Во всякомъ случаѣ, шляхта литовская должна была преслѣдовать и дѣйствительно преслѣдовала, по существу дѣла, тѣ же самыя тенденціи, что и рядовая шляхта польская, и потому естественно, въ своихъ сословныхъ интересахъ, стремилась къ распространенію и упроченію въ Литвѣ, такимъ или инымъ путемъ, узаконеннаго въ Польшѣ упомянутой конституціей процесса превращенія всей массы выморочностей въ неотъемлемыя шляхетскія маетности, періодически распредѣлявшіяся между членами шляхетскаго „стана“ по общему кадуковому закону конституціи 1588 г. Тенденціи эти, какъ и сама конституція о кадукахъ, не были, однако, на руку многочислен-

ному и сплоченному классу русских и литовских магнатов — потомков бывших удельных князей и панов, владѣвших крупными родовыми “отчинами”. Конституція о кадукахъ несомнѣнно шла въ прямой разрѣзъ съ стремленіемъ магнатовъ удержать свои изстаринныя родовыя маестности за членами своихъ родовъ до полного прекращенія послѣднихъ, безъ ограниченія вотчинныхъ и наследственныхъ правъ магнатскихъ родовъ извѣстными степенями родства, какъ это было установлено конституціей о кадукахъ. Интересы магнатовъ въ этомъ случаѣ вполне совпадали съ статутными постановленіями о наследованіи въ выморочныхъ имуществѣхъ, а потому магнаты, силою вещей, должны были крѣпко стоять за сохраненіе 17 арт. III разд. Статута, безъ всякихъ въ немъ измѣненій. Возможность veto со стороны любого магната противъ измѣненій статутныхъ началъ наследованія и была причиной того, что въ сеймовыхъ конституціяхъ, изданныхъ послѣ третьяго статута, не находимъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы когда-либо возбуждался на сеймахъ вопросъ объ измѣненіи статутнаго порядка наследованія въ смыслѣ указанныхъ выше тенденцій рядовой шляхты. Конституція о кадукахъ, такимъ образомъ, не могла сдѣлаться общегосударственнымъ закономъ, равно обязательнымъ для Короны и Литвы. Какъ мы видѣли, этимъ обстоятельствомъ и объясняется существованіе въ Литвѣ до позднѣйшаго времени крупныхъ и малыхъ шляхетскихъ владѣній, переходившихъ на законномъ основаніи изъ рода въ родъ, безъ малѣйшихъ ограниченій въ степеняхъ родства между ихъ владѣльцами.

Тѣмъ не менѣе, конституція о кадукахъ, подъ давленіемъ шляхетскихъ тенденцій, не осталась безслѣдной въ быту литовской шляхты. Если эта конституція не сдѣлалась въ Литвѣ общегосударственнымъ закономъ, то, съ другой стороны, она могла легко получить частное примѣненіе къ Литвѣ, именно въ значеніи индивидуальнаго закона, становившагося обязательнымъ для данныхъ шляхетскихъ маестностей — господарскихъ “данинъ”, пожалованныхъ на польскомъ правѣ — *„iure caduco usque ad octavum gradum lineas“*. Любопытныя указанія на эту новую форму наследованія въ выморочныхъ имуществѣхъ находимъ въ рядѣ данныхъ, извлеченныхъ г. Пташицкимъ изъ богатаго архивнаго матеріала литовской метрики ¹⁾. Не имѣя возможности входить въ под-

¹⁾ Къ исторіи Лит. права, стр. 25—29. Къ сожалѣнію, г. Пташицкій приводитъ одни отрывки актовъ, взятыхъ изъ метрики. Было бы важно собрать эти акты и издать ихъ полностью. Сколько намъ извѣстно, подобные акты не встрѣчаются въ существующихъ печатныхъ сборникахъ.

робное разсмотрѣніе этихъ данныхъ, мы ограничимся лишь общей о нихъ замѣткой.

Прежде всего скажемъ, что, по нашему мнѣнію, данныя, помѣщенные на 24-й стр. второй брошюры г. Пташицкаго и трактующія о пожалованіи имѣній „iure caduco ¹⁾ do szafunku naszego wolnego“, иногда съ прибавкой „wodlug prawa pospolitego“, безъ прямого ограниченія 8-й степенью по конституціи о кадукахъ, указываютъ скорѣе всего на наслѣдованіе въ выморочныхъ имуществвахъ по Статуту, а не конституціи 1588 г. Какъ раньше замѣчено, различіе порядка наслѣдованія въ выморочныхъ имуществвахъ по Статуту и конституціи выражается, кромѣ различнаго опредѣленія степеней родства, также въ томъ, что по Статуту выморочныя имущества „спадаютъ“ на господаря до „воли“ или „до вольнаго его шафунку“ (dispositio); по конституціи же вовсе не имѣлъ мѣста „вольной шафунковъ“ господаря. Разсмотрѣніе дѣлъ о кадукахъ и ихъ раздача усвояются конституціей не королю, а исключительно сейму; примѣненіе господарскаго „вольнаго шафунета“, а не сеймоваго „cognitio“, къ выморочнымъ имуществвахъ, подлежащимъ опредѣленіямъ конституціи о кадукахъ, и вызвало, наприм., въ 1593 г. протестъ на общемъ съѣздѣ литовской шляхты ²⁾. Самое же главное—это примѣненіе конституціи о кадукахъ въ практикѣ литовскихъ судовъ, именно съ тѣхъ поръ, какъ выморочныя имущества стали подлежать раздачѣ не только по Статуту—„до шафунку вольнаго нашего водлугъ права посполитого“, но и по конституціи—„iure caduco usque ad octavum gradum“. По нашему мнѣнію, еслибы литовскіе суды съ конца XVI стол. и стали въ извѣстныхъ случаяхъ руководиться конституціей 1588 г., то вовсе не потому, что, какъ увѣряеть г. Пташицкій ¹⁾, она была издана въ качествѣ общаго закона, обязательнаго для Литвы по всякимъ дѣламъ о выморочныхъ имуществвахъ, но потому только, что послѣ изданія этой конституціи должны были возникать въ Литвѣ судебныя дѣла объ имѣніяхъ, пожалованныхъ не по литовскому, а польскому кадуковому праву. При разбирательствѣ подобныхъ дѣлъ суды, понятно, должны были сообразоваться съ постановленіями лишь одной коронной конституціи о кадукахъ.

¹⁾ Употребленіе въ тѣхъ случаяхъ термина „caducum“ ничего еще не значитъ. Въ дѣлѣ 1589 г., приведенномъ въ 1-й брошюрѣ Пташицкаго (стр. 36—38), говорится о „кадукѣ“, разбиравшемся на судѣ по „посполитому праву“, именно 17 арт. III разд. Статута 1588 г.

²⁾ Пташицкаго къ ист. Лит. пр., 23.

³⁾ Къ истор. Лит. пр., 28—29.

Затѣмъ, въ литовскихъ судахъ польское кадуковое право могло также служить для судей руководствомъ въ такихъ случаяхъ (указанныхъ, наприм., Гавловицкимъ, въ его мотивахъ изданія Статута въ 1610 г. со сводомъ коронныхъ статутовъ и конституцій, приведенныхъ „do wiadomości obywatelom W. X. Lit., a osobliwie tym, ktorzy majątnosci swe tu w tym Panstwie y w Koronie Polskiej pewnym prawem zasiągają“), когда литовскіе паны и шляхта имѣли маетности въ княжествѣ и Коронѣ польской и потому, при судебномъ разбирательствѣ дѣлъ по такимъ маетностямъ, приходилось руководиться одновременно законами литовскими и коронными.

Сказаннымъ, однако, далеко не все объясняется въ судебной практикѣ Литвы. Нужно помнить, что практика эта далеко не была безукоризненной,—что ее нельзя ставить на одну доску съ практикой современныхъ намъ судовъ и сравнивать, наприм., рѣшенія задворнаго и реляціоннаго суда въ Литвѣ съ рѣшеніями высшихъ судебныхъ инстанцій нашего времени, дѣйствительно дающихъ руководящія начала „истолкованія“ законовъ, обязательныя для всѣхъ и cadaго ¹⁾. Нужно помнить картину хаотическаго состоянія старой литовской юстиціи, нарисованную, наприм., Михаломъ Литвиномъ, въ его извѣстномъ описаніи нравовъ татаръ, москвитянъ и литовцевъ его времени. Основнымъ фономъ этой картинѣ служитъ система административно-судебнаго усмотрѣнія, переходившаго иногда въ абсолютный произволъ, царившій въ судахъ московскихъ и литовскихъ. Формула: *поступать по своему усмотру*, „какъ пригоже, какъ Богъ вразумитъ“, нормировавшая дѣятельность московскихъ воеводъ XVII стол., съ „порухою“ мѣстной старины, была не безъизвѣстна и судебно-административной практикѣ старой Литвы. Нужно помнить, затѣмъ, хаотическое состояніе законодательныхъ источниковъ, какими литовскіе судьи и администраторы руководились въ своей практикѣ, особенно послѣ Люблинской Уніи, когда въ мѣстныя урядовыя книги (земскія и городскія) вносились сеймовыя ухвалы и конституціи, безъ всякаго методически-точного разграниченія ихъ компетенціи въ Литвѣ и Польшѣ. Недаромъ уже вскорѣ послѣ изданія Статута 1588 г. понадобилось обратиться къ содѣйствию специалистовъ того времени, чтобы сколько-нибудь разобратъся въ массѣ разнородныхъ

¹⁾ Такое значеніе, повидимому, даетъ г. Пташицкій рѣшеніямъ королевскаго задворнаго и реляціоннаго суда въ Литвѣ; по словамъ г. Пташицкаго „рѣшенія его (задвор. и реляц. суда) по частнымъ вопросамъ имѣли окончательное значеніе и его *истолкованіе закона* было для всѣхъ обязательно“. См. въ исторіи Лит. пр., 13.

законоположеній Речи Посполитой, выдѣлить въ нихъ то, что было обязательнымъ для Литвы (см. выше о порученіи Гавловицкому въ 1619 г. изданія Статута, со сводомъ конституцій коронныхъ и литовскихъ). Все это, однако, мало помогало дѣлу: судебная практика задворнаго суда ясно показываетъ, что въ этомъ верховномъ судилищѣ Литвы мало стѣснялись въ разборѣ и примѣненіи къ дѣламъ законодательнаго матеріала, какимъ должны были руководствоваться судьи, пуская въ ходъ первую подходящую конституцію, попавшую подъ руки, безъ разбора, будетъ ли то законъ литовскій, или коронный. Большая доля вины во всемъ этомъ падаетъ, конечно, на недостаточную постановку въ Литвѣ школьнаго юридическаго образованія, а съ другой — на господствовавшую въ то время систему административно-судебнаго усмотрѣнія, граничившаго зачастую съ полнымъ произволомъ. Не нужно, наконецъ, забывать и политическихъ тенденцій того времени: Литва послѣ Люблинской уніи стала вскорѣ считаться такимъ же „польскимъ“ краемъ, какъ и всякая другая коронная провинція, — пропаганда въ Литвѣ „польщизны“ въ разныхъ ея видахъ и формахъ, ассимиляція въ ней польскихъ законовъ и учрежденій развивались и упрочивались иногда чуть ли не въ такихъ же размѣрахъ, какъ и въ провинціяхъ московскаго государства, гдѣ съ полнымъ успѣхомъ, благодаря методической практикѣ московскихъ дьяковъ и правителей, быстро развивалась „поруха“ мѣстныхъ обычаевъ и порядковъ, ассимиляція и замѣна ихъ порядками и обычаями московскими.

Въ виду изложенныхъ соображеній мы и думаемъ, что данныя старой судебной практики Литвы, въ пору принадлежности ея къ составу Речи Посполитой, нельзя трактовать съ той же точки зрѣнія, какъ и данныя законодательныхъ актовъ. Данныя судебной практики, обоснованныя на неразборчивомъ примѣненіи законоположеній коронныхъ, никогда не имѣвшихъ обязательнаго значенія въ Литвѣ, любопытны, конечно, какъ свидѣтельство „порухи“ мѣстной литовской старины, и потому имѣютъ свою цѣну въ исторіи этихъ самыхъ порухъ; брать же такія данныя въ основу изслѣдованія нормъ, развивавшихся на почвѣ мѣстнаго быта народа, будетъ дѣломъ весьма рискованнымъ.

Ө. Леонтовичъ.

Варшава.
22 октября 1893 г.

